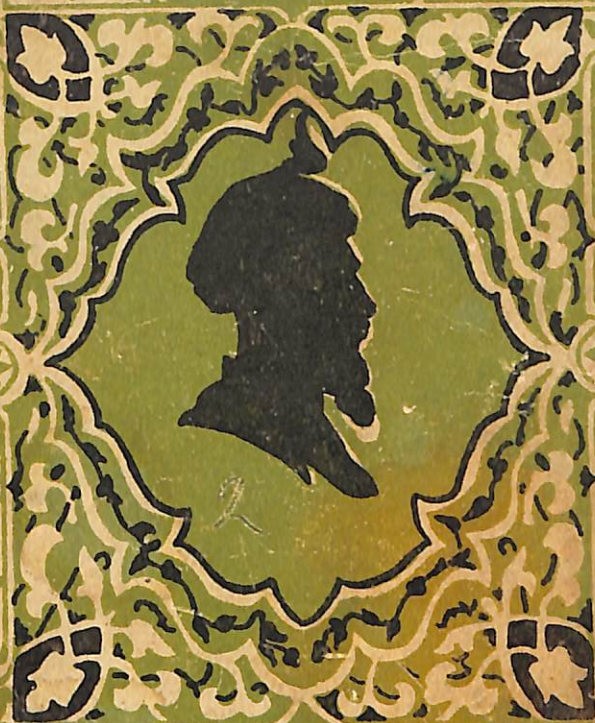

97668

ль-Касим
Фирдоуси

из
Шахнаме

Абул-Косим
Фирдавсӣ

Аз
Шохнома

Наширети Давлатии Тоҷикистон
Сталинобод
1949

Ф62

Абуль-Касим
Фирдоуси

Из
Шахнаме

Перевод
Владимира ДЕРЖАВИНА

Таджикгосиздат
Сталинабад
1949

97668

Редактор

М. ЯВИЧ

Художник

П. ЗОБНИН

О СЕРИИ
„КЛАССИКИ ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“

„Таджики имеют богатую историю; их большие организаторские и политические способности в прошлом ни для кого не составляют тайны“, — писал товарищ Сталин. Одним из ярких проявлений творческих традиций таджикского народа является его классическая литература.

Корни таджикской литературы уходят в глубь веков, задолго до нашей эры. На обширных пространствах Средней Азии (включая нынешнюю территорию Хорасана и северного Афганистана), в условиях первобытно-общинного строя, как результат скрещений древне-яфетических племен, преимущественно скифских, сложились восточно-иранские племена и народности, коренные засельники Средней Азии: оседлые народности — бактрийцы, согдийцы, хорезмийцы, и союзы кочевых племен — саков, массагетов и тохаров. Эти племена и народности являются одними из предков всех средне-азиатских народов. В процессе своего образования и складывания таджикский народ в наибольшей мере вобрал в себя и сохранил восточно-иранский этнический элемент.

„Таджики это... самый древний народ Средней Азии, — сказал товарищ Сталин на приеме участников Московской декады таджикского искусства руководителями партии и правительства в апреле 1941 года. — Из всех нерусских

мусульманских народов на территории СССР таджики являются единственной не тюркской,—иранской народностью... Таджики это особый народ с древней большой культурой...

Предки таджикского народа создали на своих языках большую устную и письменную художественную литературу. К ней относятся, прежде всего, величественный героический эпос и богатая мифология: сказания об извечной борьбе сил света и добра против сил мрака и зла, о победе кузнеца Кова над драконом Заххоком, о богатырских подвигах Рустама, Барзу, Исфандиора и др. Эти эпические сказания в несколько измененном виде сохранились в более позднем по времени таджикском фольклоре и, особенно, в „Шахнаме“ Фирдоуси. Памятником древней литературы являются также книги так называемой „Авесты“. В них содержатся не только свойственные всякой религиозной книге застенные предписания, освящающие царскую власть и господство аристократии и жречества над трудящимися массами. В „Авесту“ вошло также множество древнейших мифов, народных преданий о героических подвигах легендарных предков, в ней дана поэтическая проповедь земледельческого труда и нравственных устоев.

Уже задолго до арабского проникновения в Среднюю Азию (VII в.), на основе усиления экономических и культурных связей между отдельными районами и государственными образованиями Средней Азии, а также роста городской жизни в условиях ранне-феодалных отношений, явственно наметилась тенденция к соединению и слиянию ряда, преимущественно, оседлых средне-азиатских народностей в один таджикский народ. Насильственная ассимиляторская политика проводившаяся арабскими завоевателями, хотя первоначально и затормозила несколько процесс образования таджикского народа, однако, не была в силах ликвидировать ука-

занную историческую тенденцию. Более того, активная борьба народных масс и их непрерывные восстания против чужеземного, арабского ига придали процессу консолидации таджикского народа особую силу.

Именно на основе этой борьбы свободолюбивого народа за государственную независимость и сложилось таджикское централизованное феодальное государство Саманидов (875—999 г.г.), включившее в себя территорию большей части Средней Азии, северный Афганистан и Хорасан.

Почти 200 лет душили арабские захватчики родную речь и культуру таджиков. Однако, народ оказался сильнее своих покорителей. Он сумел преодолеть мертвящий гнет, развернуть свои творческие силы и породить свою поэзию на сложившемся таджикском языке, называвшемся тогда „дари“. Местная династия Саманидов, искавшая поддержки у своих соплеменников, не могла не культивировать их родную речь и литературу. Разговорный язык таджикских масс—„дари“—становится литературным языком, и с IX века на нем развивается письменная поэзия.

Таким образом, классическая литература на таджикском языке насчитывает тысячу с лишним лет.

На первом этапе развития таджикской классической поэзии (X—XV в.в.), так называемом, ранне-классическом, ее народные истоки давали себя знать с особой силой. Родоначальником этой поэзии был народный певец и музыкант Рудаки, взятый во дворец Саманидов и изгнанный оттуда к старости. Рудаки родился в горном кишлаке Панджрудак (нынешнего Пенджикентского района, Таджикской ССР) и здесь же умер в 941 году. Именно к этому ранне-классическому этапу относится и деятельность наиболее выдающихся представителей таджикской культуры феодального периода во главе с Абулькосимом Фирдоуси и Абуали ибн-Сино (Авиценна).

„Таджики это народ, чья интеллигенция породила великого поэта Фирдоуси,—сказал товарищ Сталин,—и недаром они, таджики, ведут от него свои культурные традиции“.

В XIII-XIV в.в. в результате опустошительного монгольского нашествия временно заглохла деятельность старых таджикских литературных центров. Многие одаренные поэты были вынуждены творить вдали от своей родины (например, Джалолиддин Балхи или Руми—в Малой Азии, Амир Хисрав—в Северной Индии, Камоль Худжанди—в Тебризе и т. п.).

Здесь необходимо отметить, что вследствие распространения языка „дари“ и таджикской классической литературы в Иране и наличия (особенно в X-XV в.в.) тесных культурных связей между таджиками и западными иранцами (персами), некоторые таджикские классики вошли также и в персидскую литературу. Не отрицая права иранского народа на это наследие, необходимо со всей определенностью подчеркнуть культурный приоритет таджикского народа в порождении этой ранне-классической поэзии. Выросшее именно на основе этой поэзии и с ней неразрывно связанное творчество ширазских поэтов Саади и Хафиза поэтому и вошло органически также и в историю таджикской литературы. Этот реально-исторический факт отразился в национальном самосознании советского таджикского народа. Вот почему писала „Правда“ в передовой статье 24 апреля 1941 года:

„Очаровательное своеобразие таджикского искусства заключается в том, что оно создается и утверждается на базе древней, высокой, прекрасной культуры. От Фирдоуси, Хафиза и Саади ведут таджики свои культурные традиции“.

В XV веке восстанавливаются литературные центры в местах исконного расселения таджикского народа—в Самарканде, Бухаре и Герате. В творчестве таджикских писателей

этого века во главе с Абдуррахманом Джами и расцветают лучшие традиции ранних веков классической поэзии.

К концу этого этапа устанавливаются взаимосвязь и взаимовлияние таджикской и узбекской литератур. Большую роль в этом сыграли творческие связи Джами и Навои. Позже, вплоть до XX в., появляется ряд двуязычных авторов. В этом находит своеобразное отражение дружба двух народов—узбекского и таджикского, сложившаяся на основе вековой совместной борьбы трудящихся обоих народов против общих врагов—туземных эксплуататоров и иноземных захватчиков.

Второй этап в развитии таджикской поэзии феодального времени, так называемый, поздне-классический, захватывает XVI-XX в.в. (до 1917 года) и протекает, преимущественно, в Бухарском ханстве. Как и предыдущий, этот этап также знал творчество больших писателей, насыщенное мотивами острого социального протеста.

Однако, исторические условия затянувшегося средневековья и разлагающегося феодализма Бухарского ханства непрерывные междоусобные войны ханов, экономическое отставание и застойность, в частности, в связи с перемещением центра мировых торговых путей из Средней Азии на запад, невыносимый политический гнет привели к резкому упадку в господствующем литературном направлении—в придворной и официальной религиозно-мистической поэзии. Здесь воцаряются бессодержательная выпренность и намеренная вычурность. В то же время другая линия в литературе,—поэзия, противопоставляющая себя придворной,—ярко проявляется в творчестве талантливых поэтов, преимущественно, из среды городских ремесленников, как, например, ткача Саидо Насафи и др.

К концу этого этапа, под воздействием освободительных идей, проникших в Бухарское ханство из России,

возникает просветительское течение в литературе (Ахмад Доиш и его последователи).

Таковы вкратце основные вехи развития таджикской литературы феодального периода.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции таджикский народ с помощью русского пролетариата, под руководством партии большевиков, прошел исторический путь развития от феодализма к социализму, минуя мучительную стадию капитализма. Под знаменем советской власти, в борьбе с врагами народа таджики сложились в нацию и образовали свое национальное советское государство. Расцвела таджикская культура, социалистическая по содержанию и национальная по форме. Начался принципиально новый период таджикской поэзии, развивающейся на основе принципа большевистской партийности, под благотворным влиянием русской культуры, как органическая часть всесоюзной советской литературы, как поэзия коммунизма.

Таджикская советская литература оказывает по мере своего роста большое революционизирующее воздействие на литературу поработанных народов Востока, особенно в странах с персоязычным населением, содействуя правильному, критическому освоению наследства и прокладывая новые пути в поэзии. Хорошо сказал по этому поводу А. А. Фадеев: „Благодаря помощи русского народа, совершившего Октябрьскую революцию, таджики выросли в нацию с развитой, передовой культурой. И можно не сомневаться, что, именно они, таджики, имеют историческое право на истолкование литературного наследства иранских языков. Это они, таджики, будут впоследствии воспитывать персов на своем и персидском литературном наследии, общем по языку“. („Лит. газета“, 22 декабря 1948 г.).

Более подробная характеристика творчества отдельных

таджикских классиков дается во вводных статьях к книгам, выходящих в настоящей серии.

* * *

Из своей многовековой классической литературы таджикский народ критически осваивает лишь передовое, прогрессивное — оно же идейно и художественно наиболее совершенное.

В таджикской поэзии можно различить совершенно четко две противоборствующие тенденции: одну — **феодальную** (аристократическо-клерикальную), выражавшую идеологию господствовавших классов, другую — **народную**, выражавшую настроения и чаяния трудовых масс. В устном творчестве народная идеология нашла свое более прямое отражение. Но и в письменной литературе она выступает достаточно ясно, хотя и в своеобразно преломленном виде — у отдельных, наиболее выдающихся авторов, порою же лишь в некоторых произведениях того или иного автора. Народная струя в литературе выражается в мотивах безбожия, антидеспотизма, в восхвалении труда и трудящегося человека, в темах борьбы против иноземных завоевателей и туземных угнетателей, в различных ересях — в идеях, направленных против господствовавших в литературе религиозной проповеди и славословия царей и вельмож.

По форме народная струя характеризуется применением реалистических изобразительных средств в противовес условно-символической иконописи, в элементах народной песни, острословия и сатиры в противовес напыщенным панегирическим одам.

Вот почему таджикским народом признаны своими классиками вовсе не все поэты и писатели досоветского прошлого, а лишь те, которые снискали немеркнущую славу идейным содержанием своего творчества, выраженным в

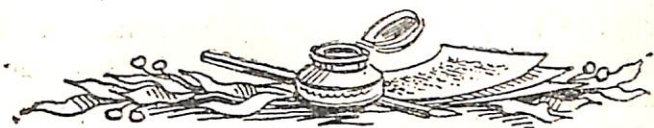
высокохудожественной поэтической форме, лишь те, которые при неизбежной исторической ограниченности своего мировоззрения сумели в свой век выразить в своеобразной, впечатляющей форме народную тенденцию в литературе, заветные мечты трудящихся людей и их чаяния социальной справедливости, высокие идеи гуманизма и любви к родине, жгучий протест против жестокого гнета деспотии и религиозного мракобесия.

В настоящей серии выходят образцы произведений следующих классиков: Рудаки, Фирдоуси, Абуали ибн-Сино, Носир Хисроу, Омар Хайям, Саади, Амир Хисрав, Хафиз, Камоль Худжанди, Убайд Зокони, Джами, Саидо Насафи, Бедиль, Ахмад Дониш.

Советский читатель еще не знаком с большинством этих произведений. Имена многих из перечисленных классиков до сих пор были мало известны широким кругам читателей. Приводимые образцы даются, преимущественно, в новых русских переводах. Перед переводчиками была поставлена задача: избегая своеобразных вариаций и модернизации классиков, бережно донести в русском переводе до советского читателя идейное содержание и поэтическое звучание этих произведений так, как они воспринимаются сейчас современным таджикским читателем.

Русские переводы, несомненно, помогут включению таджикского литературного наследия в общий арсенал социалистической советской культуры.

*Редакция серии
„Классики таджикской литературы“*

Абуль-Касим Фирдоуси

„Я замок высокий воздвиг из стихов
И он не боится дождей и ветров,
Над этою книгою годы пройдут,
Но светлый умом прочитает мой труд“.

Так сказал Абуль-Касим Фирдоуси, заканчивая свое гениальное произведение „Шахнаме“ — книгу царей, на создание которой он потратил тридцать лучших лет своей жизни.

И предвидение не обмануло старого поэта. Тысячелетие прошло со дня написания поэмы. Все разрушающее время похоронило под своими обломками некогда великие государства; имена завоевателей, приводившие в трепет народы, канули в вечность. Грандиозные постройки, воз-

двигнутые могущественными правителями, чтобы вечно прославлять их обитателей, смешались с прахом, но до сих пор не померкло имя творца „Шахнаме“, до сих пор и в зеленом оазисе, среди песков Хорасанской пустыни, и на высоком Памире, и в Бухаре слушают таджики, персы, шугнанцы размеренный звучный стих, с неослабным вниманием следят они за искусной нитью рассказа, повествующего то о великих ратных подвигах богатырей, то о хитрости и коварстве их врагов.

Популярность „Шахнаме“ велика. В огромных книгохранилищах царей хранились изумительные рукописи, выполненные лучшими мастерами своего времени и переплетенные в пурпурную тисненую кожу, покрытую слоем золота и украшенную драгоценными камнями.

Чудесные миниатюры, выполненные руками Бехзада и его учеников, донесли до наших дней яркость красок, чистоту и тонкость линий рисунка.

Но редко чья-либо рука касалась этих рукописей. Их обладатели коротали свое время на пирах и охотах, и толстым слоем пыли покрывались рукописи, хранящиеся в библиотеках дворца.

Другая судьба была у сотен и тысяч рукописей, переплетенных в простой картон или грубую кожу. Их читали и перечитывали десятки и сотни раз. Они переходили из поколения в поколение.

И снова и снова искусная рука каллиграфа, обмакнув в черную китайскую тушь заостренную палочку калама, выводила строчки вступления к поэме, начинающиеся с похвалы разуму.

Творчество Фирдоуси сложилось в эпоху, когда таджики представляли собой уже окончательно сложившийся народ, когда борьба таджикского народа за свою свободу и независимость привела к созданию обширного и централизованного государства Саманидов, когда разговорный язык таджикского народа — „дари“ стал литературным языком, на котором создавалась не только устная, но и письменная поэзия. Наивысшего расцвета поэзия достигла при дворе саманидских правителей. Здесь вокруг „Адама поэзии“ великого Рудаки группировались талантливые поэты. Наиболее ярким среди них являлся Абу Мансур Мухаммад бин Ахмад Дакики, с именем которого связано начало создания „Шахнаме“.

Очень мало сведений сохранилось у нас о жизни Дакики. По одной версии он является уроженцем Туса, по другой Бухары, а по третьей Самарканда. Во всяком случае всю свою недолгую жизнь он провел на территории Средней Азии. Свою поэтическую карьеру поэт начал при дворе феодала — правителя области Саганиан. Когда поэтическая слава Дакики вышла за пределы Саганиана, поэт

отправился попытать счастье в столицу Саманидского государства, в Бухару, где он вскоре прославился панегирическими одами, слагаемыми им в честь своего повелителя.

Но недолго просуществовало государство Саманидов. Уже в конце X века феодальные междоусобицы, раздиравшие некогда могущественное государство, все более и более расшатывали и ослабляли его могущество и военную мощь. Все грознее становилась опасность внешнего вторжения. Саманиды чувствовали необходимость выдвинуть лозунг, способный объединить весь народ и направить его на борьбу с внешними врагами.

Интерес к героическому прошлому был велик у иранских феодалов с самого начала их борьбы с центральной арабской властью, когда они хотели, опираясь на древние предания, доказать знатность своих родов и исконность своей власти.

Саманиды всячески поощряли работу по упорядочению и переводу на язык "дари" древних хроник, повествующих о царях, о богатырях, о их былой славе.

Был сделан перевод древних пехлевийских хроник, содержащих сказания о великом прошлом. Затем поэту Дакики было поручено изложить "Книгу царей" стихами.

Дакики был тесно связан по своим симпатиям и своим интересам с древней культурой. В своих стихах

Дакики открыто высказывал свои симпатии к древней религии—зороастризму.

Четыре вещи выбрал Дакики
Из всех вещей, забыв закон и меру:
Уста—рубин, веселый лютни звон,
Вино—рубин и Зороастра веру.

Прекрасно понимая всю грандиозность поставленной перед ним задачи, Дакики проделал очень большую подготовительную работу по собиранию материала и приступил к поэтической обработке этого материала. Начал он свою работу над поэмой с рассказа об основателе зороастрийской религии Заратустре.

Внезапная смерть прервала работу Дакики. Поэт был убит в расцвете творческих сил, успев написать только 1000 байтов.

Когда умер Дакики, Фирдоуси было уже около 50 лет. И вот поэт, известный до того лишь узкому кругу любителей поэзии родного города, берется за продолжение труда своего знаменитого земляка.

Несмотря на обширную литературу, посвященную его гениальному творению, творчество Фирдоуси еще очень мало исследовано.

В его грандиозной эпосе, насчитывающей почти тысячелетнюю давность, можно обнаружить несколько разных напластований.

В поэме Фирдоуси были и чисто литературные напластования в которых отчетливее всего

выразилась феодальная струя в его творчестве.

Фирдоуси использовал различного рода официальные хроники, перечислявшие династии царей и их многочисленные войны и исторические повествования.

Однако, сильнее всего в его творчестве была народная струя и в этом секрет неувядаемой прелести его творения, которое уже почти тысячу лет остается одним из любимейших произведений таджикского народа, которое глубоко любимо трудящимися массами Ирана и других народов Востока.

Товарищ Жданов в своем выступлении на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП (б) говорил, что А. Н. Серов был глубоко прав, когда говорил: „над истинно-прекрасным в искусстве — время бессильно...“

Такими „истинно-прекрасными“ могут быть только глубоко народные произведения. И если творение Фирдоуси, выдержав тысячелетнее испытание временем, волнует и радует современного читателя, то причина этой долговечности Фирдоуси в его глубокой народности.

Для создания своей поэмы Фирдоуси широко использовал те сказания и легенды, которые таджикский народ сложил о своих богатырях и героях.

Не случайно центральным образом поэмы является любимец Фирдоуси — богатырь Рустам — об-

раз, восходящий своими корнями к устному народному творчеству народов, населяющих Среднюю Азию.

Таков же образ Сиавуша.

„Шахнаме“ это своеобразная энциклопедия ранне-феодального периода истории таджикского народа.

Эта поэма представляет собой грандиозную эпопею, состоящую более чем из ста тысяч строк.¹

Но, как часто бывает с авторами гениальных произведений, признание и славу поэт получил лишь „посмертно“. Поэма, прославившая его родной народ и дошедшая до наших дней, принесла поэту гонение, нищету и разочарование.

Это произошло потому, что поэма, вызванная запросами Саманидской эпохи, поэма, призванная сплотить феодалов вокруг центральной власти в борьбе с чужеземными, захватчиками, появилась на свет слишком поздно.

999 год — год окончания первой редакции „Шахнаме“ был годом особенно тяжелых испытаний для народов Средней Азии и Ирана. 23 октября этого года, после длительной борьбы, войска тюркского хана вступили в Бухару. Так закончилось владычество в Средней Азии династии Саманидов.

Железной рукой правил султан Махмуд в своем царстве, все время расширяя его границы. На бесценные сокровища, собранные во время своих

грабительских походов; строил он великолепные дворцы, сооружал мечети. Зная, что Махмуд Газневид собирает в своем дворце крупнейших ученых и поэтов. Фирдоуси решил отправиться в новую столицу Хорасана—Газну и там попытаться заставить могущественного владыку обратить внимание на „Книгу царей“. Но не приветливо встретил газневидский двор престарелого поэта. Махмуд Газневид—представитель новой военной аристократии, не связанный со старыми традициями страны, видел в легендах и преданиях Ирана лишь опасное оружие, могущее нанести удар его могуществу.

Правда, легенда, созданная на Востоке вокруг имени Фирдоуси, рассказывает нам о том, что „Шахнаме“ была заказана Фирдоуси именно султаном Махмудом. Поэту будто бы было обещано, что за каждый байт он получит динар (золотая монета). Однако, получив поэму, Махмуд решил, что такая оплата будет слишком велика и заплатил за каждое двустилие по одному диргему (серебряная монета в 20 раз меньше динара). Гонимый султаном, которым было поручено передать назначенную награду поэту, застали его в бане. Когда Фирдоуси раскрыл мешки и увидел, что они наполнены серебром, вместо обещанного золота, он пришел в ярость от бесчестности султана и, разделив царские дары на три части, отдал одну часть банщику,

другую—продавцу прохладительных напитков, а третью—погонщику верблюдов.

После этого поступка, поэт вынужден был бежать из Газны и скрываться. Он удалился в Табаристан, где при дворе местного правителя написал на султана Махмуда резкую сатиру.

Уже совсем дряхлым старцем, на девятом десятке жизни возвращается поэт на родину в Тус, где вскоре и умирает.

Легенда рассказывает нам дальше, что мусульманское духовенство отказывается хоронить еретика Фирдоуси на кладбище и тело поэта везут погребать в принадлежащем ему саду, расположенном вблизи городских ворот.

А в это время, в противоположные ворота Туса, вступает караван с щедрыми дарами, которые посылает поэту раскаявшийся в своей несправедливости султан Махмуд. Запоздавшая награда предлагается сестре покойного поэта, но та отказывается от нее и на эти деньги строится каравансарай. Так, народная фантазия даже после смерти не допустила примирения между деспотом-султаном и любимым поэтом.

Творчество Фирдоуси служило и служит предметом жестокой идейной борьбы. Оно в разные периоды по разному использовалось общественными группами.

Наличие различных напластований в творчестве

поэта облегчало использование и сознательное искажение его литературного наследства различными реакционными элементами.

Фирдоуси используют и буржуазные националисты в Иране, эти агенты английского и американского империализма.

Реакционеры от науки пытались и пытаются выхолостить из творчества Фирдоуси его прогрессивное содержание, его народность.

Но таджикский народ, а также народные массы тех стран, язык которых позволил им понимать и любить великого поэта, сохранили и сберегли подлинный образ Фирдоуси.

Образ кузнеца Ковы, борца за освобождение народа от иноземного ига, мастерски нарисованный Фирдоуси, вдохновлял не раз лучших сынов таджикского народа в борьбе за свободу и независимость своей родины.

Гуманизм Фирдоуси, его прославление человеческого ума, храбрости и мужества народных героев, его протест против деспотизма и гнета всегда были дороги всем прогрессивным людям, как и сейчас они дороги всему прогрессивному человечеству.

Поэма Фирдоуси знакомит читателя с героическими традициями таджикского народа. Это живое свидетельство той высокой культуры, которой таджикский народ достиг уже в далеком прошлом.

Творение Фирдоуси являлось предметом национальной гордости таджикского народа. Оно должно стать близким и понятным всем советским читателям.

Перевод всей поэмы Фирдоуси на русский язык представляет собой огромный труд, пока еще, к сожалению, не осуществленный.

В настоящем издании вниманию читателей предлагаются два сравнительно небольших отрывка из „Шахнаме“, в переводе В. В. Державина.

Первый из этих отрывков „Бой Гуштаспа с Арджаспом“ принадлежит перу Дакики; отрывок этот был включен в свою поэму самим Фирдоуси.

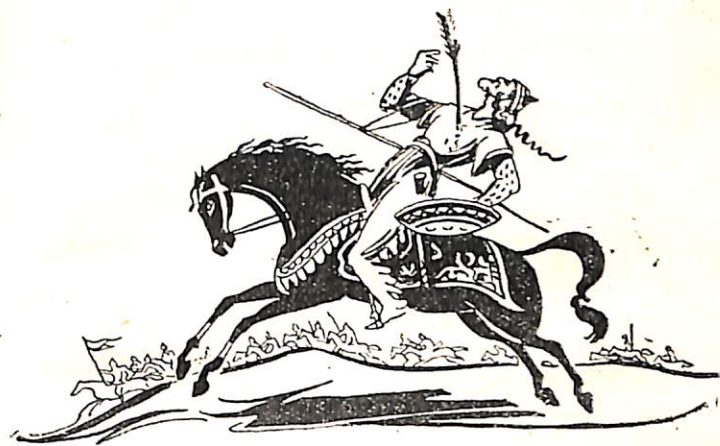
Второй отрывок „Бой Исфандиора с Рустамом“ принадлежит самому Фирдоуси.

М. Явич.

Дакики

БОЙ
ГУШТАСПА
с
АРДЖАСНОМ

Царю царей сказал Зардушт седой:
„Нет заповеди на земле такой,

Чтоб мы платили дань владыке Чина.*
То запрещает нам закон старинный,

И нет у нас обычаев таких!
Никто из Кейев, пращуров твоих,

Турану не дал ни тумана дани,
Чин никогда не властвовал в Иране!“

* Чин—Китай.

Гуштасп, услышав мудрого совет,
На сборы дани наложил запрет.

Узнав про это, некто духом злобный,
В Китай помчался демоноподобный,

Сказал царю: „О, светоч бытия!
Края и царства, шахи и князья

Твоим законам, как рабы, покорны,—
Трепещут все пред мощью необорной,

Но ненавистник Чина—царь Гуштасп,
Тот самый, чей родитель царь Лохрасп

Безумец, ныне правящий Ираном,
Встал на владыку чёрным Ахриманом*

Я сотни тысяч всадников найду;
Коль хочешь—всех к тебе я приведу!

Его стране мы принесём беду
Потушим мы мятежника звезду!“

Той речью потрясенный, разъяренный
Покинул трон Арджасп златокоронный:

* Ахриман—злое божество у древних иранцев.

От злобы и печали занемог,—
В нем лютый гнев бушует, как поток.

Мобедов* и советников созвал он,
Все слышанное им пересказал он:

— „Внемлите страшному!“—он возгласил,—
„Иран светильник веры погасил!

Пришёл к ним старикашка, плут прохожий,
Сказал, что он—пророк, посланник божий.

Что от творца предвечного пришёл,
Что в мир он с моста млечного пришёл.

Сказал:—„Я видел бога в райской куще,
Где книгу правды пишет всемогущий.

И Зенд Авесту*** сам он написал!..
В аду я Ахримана увидал.

Дабы спасал я веру, вседержитель
Меня послал в подлунную обитель“.

— И что ж! Теперь Ирана властелин,
Лохраспа—шаха драгоценный сын,

* Мобед—высший зороастрийский священнослужитель.

*** Авеста—священная книга древней иранской религии зороастризма. Зенд—пехлевийский комментарий к Авесте. Фирдоуси здесь неверно отождествляет Зенд Авесту с Авестой.

Отрекся от святыни, гонит веру!
Последовали все его примеру.

Брат шаха, вождь иранских войск—Зарир,
За ним народ. И осквернился мир,

Отринул бога, ересью объятый.
— Вот что наделал тот старик проклятый!

Колдун воссел в Иране, как пророк,
Прославил зло и скверну и порок,

Гуштаспу написать теперь должны мы,
Спасти его от мерзости творимой,

Пошлём ему желанное добро,
Да примет он нежданное добро!

Напишем:—„Брат мой шах! Убойся бога
Позорна и грешна твоя дорога.

С бродягой нечестивым не дружи,
Прочь удали его и накажи!

Коль мудрого совета шах не примет,
Пред нами рук покорно не подымет,—

Огромные мы войска соберём
И грянем на него, как божий гром!

Как бурный сіль, в Иран мы устремимся,
Мы сил его любых не устрасимся,

Ударим и затопим и сомнём
И за ноги повесим их живьём.“

ПИСЬМО АРДЖАСПА К ГУШТАСПУ

Когда же прочитал Гуштасп в Иране,
Что написал ему Арджасп в Туране,—

Что слышите, какой нас ждёт исход?
Что,—видите?“—спросил он мудрых,—„Вот!

Мой род—Ираджа благородный род,
А тот—от Тур-Корунов род ведёт:

Не может быть согласия между нами!“
Воспламенённые его словами

Исфандиор—сын шаха, и Зарир—
Брат шаха, славой озаривший мир,

Сказали, обнажив мечи: „Неужто
Есть нечестивец, кто не чтит Зардушта*“

* З а р д у ш т — мифический основоположник религии зороастризма.

Пророком бога? Если есть такой
Что пред царём не склонится главой,

Не препоясется мечом для битвы,
Во имя трона, правды и молитвы, —

Железом душу вынем из него!
В жестокой петле вскинем мы его!“

Водитель воинства шаха—лев Зарир—
Свирепый, как небесный гнев, Зарир—

„О многославный!“—так сказал Гуштаспу—
„Позволь,—я напишу ответ Арджаспу!“

Вскипели недра шаховой души:
— „Да!“—он сказал—„Иди и напиши!“

И сели в некой комнате дворцовой
Исфандиор, Джамасп, Зарир суровый:

Их лица страстью гнева сведены,
И письма их яростью полны.

Они ответ достойный написали
Арджаспу низкому—и передали

Царю царей. Был свиток вслух прочтён,—
И шах Гуштасп письмом был восхищён,

И шах печатью утвердил письмо,
Послам Турана он вручил письмо.

Сказал: „Домой, обратно отправляйтесь!
И более ко мне не возвращайтесь.

А вновь придёте—быть беде и злу.
И хоть нельзя нам зло чинить послу, —

Я разобью кувшины жизни вашей,
Палач наполнит вашей кровью чаши,

Чтоб ведал негодяй, я говорю,
Как плохо непокорным быть царю!

Берите этот свиток и уйдите,
Царю-глупцу посланье отвезите,

Скажите: „Ты рассудок потерял,
Ты крови жаждал, трупов ты алкал.

Но голова твоя слетит скорее,
И сгинет дряхлая душа злодея,

И твой гнилой рассыплется костяк!
Даст бог! Надену латы и шишак —

Я разгромлю оплот и кров Турана!
Я разорю гнездо волков Турана!“

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОСЛОВ
АРДЖАСПА

Гуштасп уста веленья затворил,
За труд Зарира поблагодарил,

Ему посланцев Чина поручил,
Чтоб он их невредимо проводил.

Посланцы, оскорблённые Гуштаспом,
Во прах уничижённые Гуштаспом,

Из края счастья прибыли в Халлух,
Но счастьем не дал прибыли Халлух...

Чертог царя сияет за холмами,
Над входом реет мускусное знамя, —

И спешили с угасшими сердцами
Гонцы — с кровавыми от слез глазами.

И шли пешком до царского дворца, —
Желты их лица и черны сердца.

И отдали письмо царю Турана...
Скажу, то не письмо — сквозная рана:

Вазир* печать послания сломал,
Праправнуку Пайгу письмо он прочитал:

— „Дошёл до нас позорный свиток твой
Мне, государю, посланный тобой...

Слова твои! — постыдно здесь привести их!
Ни написать нельзя, ни произесть их!

Их слушать и рассказывать нельзя!
Их видеть и показывать нельзя.

Как ты посмел так говорить со мною,
Что „я“ — мол — „на Иран пойду войною?“

Не минет месяц — сами мы придём,
На Чин мы войско тигров наведём!

Не озабочивай себя трудом, —
Казну твою мы сами отопрём.

Мы сотни тысяч войска приведём,
Мы грянем над тобой, как божий гром!

Не афросьябцев низких приведём —
Ираджей пехлевийских приведём.

Все солнцеликие, все лунноликие,
Прямые сердцем, силою — великие!

* В а з и р — министр.

У каждого — дружина и булат.
И венценосен каждый, и богат!

Все с копьями и острыми клинками,
И полководцы все — и все верхами!

И первое из всех имен моих
Начертано на царских перстнях их.

В броню могучей веры все одеты.
Все носят кольца, серьги и браслеты.

Коль в барабан походный загремят, —
Они холмы в равнину превратят.

Копытами коней раздавят горы,
Как туча неба, омрачат просторы.

Зарир меж ними и Исфандиор.
Удар их — гибель, молния — их взор.

Облачены одеждою железной,
И ноги их стоят на тверди звездной.

Ты б ужаснулся, посмотрев на них,
Пред грозным строем воинов моих!

Они, как солнце, в нимбе и короне,
Они — цари на лучезарном троне.

Такие служат мне богатыри
В совете мудрых мужи и цари!

Ты бурдюком не вычерплешь Аму,
На суше я казну твою возьму.

И хоть от нас грядущее сокрыто,
В бою тебя я брошу под копыта!"

Арджасп внимал письму, остолбенев,
Его объял безмолвный, чёрный гнев...

И долго в думах сумрачных сидел он...
И встал, и собирать войска велел он.

И поползли несметные обозы,
И потекли полки к царю, как грозы.

Двух братьев дал владыке Ахриман:
Их имена — Кахрам и Андирман;

Им царь послал слонов и барабаны,
Стяг даровал лиловый и багряный,

Он дал им лучших витязей Турана:
Три сотни тысяч — войска цвет избранный!

Казну пред ними отворить велел,
И в медные рога трубить велел.

Он дал Кахраму войска половину,
Дал Андирману войска половину;

Им крылья войска с верой поручил.
Сам стал в несметном средоточьи сил.

Был князь Гургсор, царю как раб служивший,
Муж многомудрый, долгий век проживший,—

Его назначил мощный царь царей
Начальником верховным силы всей.

Был богатырь Хашош меж храбрецами,
Льва раздиравший голыми руками, —

Ему—подобному слону и льву —
Подстать и войска поручить главу!

Был турк Хушдив—царём поставлен с тыла
Щитом, держащим боевые силы.

Был Бедурафшу стяг царя вручён,
На стяге чинский волк изображён,

И сказано царём: „Глаз не смыкай,
Не спи! Бегущих с поля—убивай!“

И двинулся в поход, объятый гневом,
Не царь—а лев с окровавленным зевом!

Сжигал селенья, грабил, убивал,
Сады и рощи с корнем вырывал.

Так обуянный злобой, полный скверны,
В предел Ирана вторгся царь неверный.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ГУШТАСПА К ВОЙНЕ

Когда узнал Гуштасп—отважный шах
О вражеских чудовищных делах,

Что враг летит, как градовая туча,
Что впереди идет Хашош могучий, —

Войска свои он собирать велел,
Слонов своих он снаряжать велел.

Наместникам своим гонцов послал он,
С войсками всем явиться приказал он.

И столько воинов к нему пришло, —
Травы,—ты скажешь,—столько не росло!

Пришли богатыри отмстить обиду,
Служить владыке мира—Кейяниду.

Сошлись войска—их больше, чем песка,
Чем в полночь звезд!—И шли еще войска...

Увидев войск огромный стан шумливый,
Возликовал душою шах счастливый.

Он дверь казны Джамшида отворил
И за два года людям заплатил.

Надел на всех кольчужные кафтаны.
Взревели трубы, грянули тимпаны.

До неба достигающее знамя
Царь величавый поднял над войсками.

Врагу навстречу воинство пошло,
Скажи—рекой железной потекло!

И тучи пыли высоту затмили,
И лик луны и солнце заслонили.

И шум идущих войск так громок был,
Что грохот барабанов заглушил!

Качались копыа чащею лесною,
Вздыхались, словно тростники весною ..

Так воинств мощь несметная текла,
Куда их воля шахская вела.

ПРИВЕДЕНИЕ ВОЙСК ГУШТАСПА И АРДЖАСПА В БОЕВОЙ ПОРЯДОК

Светила ночи в небе потускнели,
Вершины гор зарею заалели.

И в час, когда дыхание ветров
Полно благоухания цветов, —

Шах стражу выставил на склонах горных.
И верных впереди послал дозорных.

В полдневный час лазутчик прискакал:
„О государь! Враг близко!“ — он сказал.

„О властелин! Взгляни, — какая сила!
Столь войск доныне к нам не приходило!

Холмы и доли воинство покрыло,
Лицо земли шатрами убелило!“

Гуштасп, великий шах, с престола встал,
Зарира благородного призвал,

И знамя дал ему и приказал,
Чтоб он слонов и войско снаряжал.

Полсотни тысяч сильных — на подбор —
Возглавил богатырь Исфандиор.

Все — храбрые, все — благородной крови,
В них души львиные, сердца слоновьи.

И столько же отборных удалцов
Дал царь другому из своих сынов:

То был Шидасп — Гуштаспа сын любимый,
Веселый, гордый и неукротимый.

Полсотни тысяч избраннейших сил
Шах в бой вести Зариру поручил,

Наместником Зарира объявил —
И в средоточьи войск установил.

И поручил Настуру воинств тыл:
Настур — Зарира милым сыном был.

Построив войско, от трудов усталый,
Гуштасп — великий шах — взошел на скалы,

Дабы оттуда бой обозревать,
Дабы оттуда боем управлять.

Арджасп, могучий царь страны Турана,
К войскам своим поднялся утром рано, —

Сто тысяч сильных воинов избрал
И Бедурафшу под начальство дал.

Маг Бедурафш был главным над войсками, —
Скиптр у него и золотое знамя;

Львов раздирают воины его,
Мир ужасают воины его!

Сто тысяч храбрых, восхищавших взоры,
Послал Арджасп под стяг царя Гургсора.

Сто тысяч избранных и грозных сил
Он в головах всех войск установил.

Сам со своей дружиной неизменной,
Средь пышущих враждою ко вселенной

Свирепых львов, он нерушимо стал,
От сил своих он глаз не отрывал.

Был у Арджаспа горячо любимый
Отважный сын, в бою неукротимый,

Муж царственный, по имени Кахрам,
Привыкший к лютым стужам и жарам,

Могучего ума, слоновьей силы! —
Кахрама царь броней поставил с тыла.

НАЧАЛО СРАЖЕНИЯ

И ночь пришла и морем утекла,
Заря миродержавная взошла.

И увидал Гуштасп с вершины горной,
Как двинулись войска громадой черной.

Богатырей увидел на конях
С высоких скал благословенный шах.

И подан был царю скакун могучий
Подобный статье Бисутунской* круче

И на бока прекрасному коню
Надели царский пурпур и броню.

И вывел воинство в стелную ширь,
Скажи не царь, а лев и богатырь!

И полны ярости и непокорства
Вперёд пошли слоны единоборства.

И туча стрел летела в чуждый строй,
Обильней града бурною весной,

* Бисутун — знаменитая гора в Иране. С ней связаны легенды о каменотесе Фархаде.

Так много стрел, что даже солнце скрыли,
Прекрасный лик вселенной омрачили.

И этого изобразить нельзя!
И этого вообразить нельзя!

Ты мне сказал бы: „небо почернело,
Когда взвились бесчисленные стрелы...“

Сказал бы: „туча скрыла высь от глаз,
Из тучи ливнем сыплется алмаз...“

И так войска идущие пылили,
Что светлый полдень в полночь превратили.

И вот примчался — удивлявший мир
Сын властелина мира — Ардашир.

Как грозный слон, от крови разъярённый,
Прорвал он строй туранской обороны.

Он шел, как свет зари идёт на тьму,
Но в битве счастья не было ему.

Увы, не видел воли небосвода
Цветок бесценный избранного рода!

Свистя, примчалась лютая стрела,
Броню пронзила, грудь насквозь прошла.

Пал благородный, кровью обогрѣнный,
Под конские копыта царь сражѣнный.

О, горе! Нет прекрасного! Убит!
Весть эта сердце отчее сразит!

И выехал Ширу на поле боя, —
От горя жѣлт, с кипящею душою.

О, как бушует жажда мести в нем!
Рыча, как лев, он ринулся с копьем,

И многих сильных мощь его повергла,
Мстя за того, чьих дней зоря померкла.

От крови—бурой сделалась земля.
Тигровой шкурой — сделалась земля.

Им тысяча врагов была убита —
Львов лошадям бросал он под копыта.

Но между плеч могучему вошла
Предательская жгучая стрела, —

И рухнул богатырь Ширу с седла,
Затмила очи гибельная мгла...

О, горе! Воин пал подобным грому!
Он к дому не воротится родному!

Он не обнимет милого отца!
Его родных растерзаны сердца!

И выступил Шидасп — боец великий,
Прекрасный станом — витязь лунноликий;

Силѣн, как слон, а конь, как носорог,
Огромн и, как серна, быстроног!

И он ворвался в грозный строй Турана, —
Что ни удар, то смерть врагу иль рана.

Он сам от ран кровавой глыбой стал,
Но страшного копья не опускал.

Гигант предстал пред ним, сказал: „Я знаю:
Ты — лев, я — див! Тебя я растерзаю!“

Как смерчи, встретились богатыри,
Как тесны их объятия! Смотри,

Как дива в грудь ударил лев Ирана,
Как сбил и обезглавил великана,

Как въѣтся, гордый удалю своей,
Пред строем вражеских богатырей!

Но и его стрела врага достала,
И мощь его по ветру разметала...

О, горе! Смерть пожрала удальца!
Царь не увидит милого лица!

ГИВЕЛЬ ГИРОМИ — СЫНА ДЖАМАСПА
И НАВЗОРА

И вышел Гиром — Джамаспа сын —
Великий воин, станом исполин.

Скакал он на высоком черногривом
Коня плавнобегущем и красивом.

Он на ристалище кровавом стал
И бога милосердного призвал.

И вызов бросил вражескому строю:
„Кто храбр душой, чтоб выйти в бой со мною?

Найдётся ль здесь отважный чародей,
Кто ждёт бессмертной славы от людей?“

Муж выступил, лицом от гнева тёмный,
Казался он в седле — горой огромной.

В броне железной тело у него.
Меч, булава и стрелы у него.

Но Гиром был воин силы лвиной, —
Не устоял пред ним воитель Чина:

Мощь Кейянида он почувал в нём,
Вспять обратился со своим конём.

Но Гиром вослед рванулся с гневом
Меч занеся, как лев с кровавым зевом.

Он врезался, как смерть, во вражий стан.
Вдруг — то не с гор сорвался ураган, —

Два воинства помчались друг на друга, —
И пыль взвилась до огненного круга

Седьмых небес. И разгорелся бой.
И под ударом бури боевой —

Ковы *) упало золотое знамя,
Ирана рухнуло святое знамя...

Заметил Гиром за головами,
Как со спины слона упало знамя, —

Схватил его и пыль с него стряхнул
И высоко над боем развернул!

*) К о в а — легендарный герой „Шахнаме“, поднявший восстание против царя-дракона Заххока. Знаменем для восставших служил кожаный фартук кузнеца Кова, который после победы восставших был украшен золотом и драгоценными камнями.

Увидели богатыри Турана,
Что живо знамя вражеского стана,

Что славный Гироми его понёс,
Над войском возвышаясь, как утёс.

Со всех сторон напали, обступили
И руку великану отрубили...

Но в зубы знамя Гироми схватил, —
Другой рукой ряды врагов ломил

И гнал перед собой. Но уж не в силе
Он был... И наконец его убили.

О, горе!... Кто погиб! Жаль храбреца!
О, тяжкая потеря для отца!

Настур могучий вышел — лев Ирана,
Шарира сын, цветок ветвей Кейяна.

Отец его искусству битв учил
Отважного! Он тьму врагов сразил.

И отчий стан по нём не сокрушился:
Он в отчий стан с победой воротился.

И вышел, ужасая вражий взор,
Бесстрашный витязь — сын царя Навзор.

Его скакун Шулак, летит, как птица, —
Такой один на весь табун родится!

Внезапно, крепкий, как скала, в седле, —
Явился пред врагами в пыльной мгле.

И возгласил, как гром в небесных тучах:
„Эй, кто средь вас могучий из могучих?

Кто опытен в искусстве боевом?
Кто — храбрый — выйдет на меня с копьём?“

И стаей копыеносцы налетели,
Навзора выбить из седла хотели.

Но гордый витязь, богатырь Навзор,
Как разъяренный лев, им дал отпор.

С невиданной на свете быстротою
Вслед бросился за вражеской толпою.

Он шестьдесят богатырей сразил —
Мужей отборных, — цвет туранских сил.

Но всё же и его стрела настигла, —
О, перст судьбы! — Глава его поникла...

Убит, упал с прекрасного коня!
Угасло сердце, полное огня!

Он был прекраснейшим в роду Кейяна, —
О, горе шаху! Горе для Ирана!

Его деянья славиться могли б
Во всей подлунной! Рано он погиб!

Но вот над прахом царственного тела
Сплелись мечи — и схватка закипела.

Пыль поднялась, как туча, над землей...
И две недели длился жаркий бой.

Рубились люди, отдыха не зная,
Убитыми покрылась ширь земная,

Потоки крови по полям текли,
Как бы в степи тюльпаны расцвели...

ГИБЕЛЬ ЗАРИРА — БРАТА ГУШТАСПА
ОТ РУКИ БЕДУРАФША

Так две недели эта битва длилась,
И все лютей, все жарче становилась.

И выехал на пламенном коне
Зарир могучий в кейевой броне.

В стан вражеский Зарир вломился яр
Огнём степного страшного пожара,

Что пожирает трав покров сухой,
Когда пылает весь простор степной...

Когда Арджасп, владыка стран, услышал,
Что в смертный бой сам брат Гуштаспа вышел...

Что погубил он много славных сил, —
Шах громогласно войску возгласил:

„Припомните Халлух и клятву мести!
Вот две недели мы стоим на месте.

Дерёмся мы, а много ль толку в том? —
Нет половины в воинстве моем —

Убиты! Где же блеск моей короны?
Но вот Зарир, убийца разъярённый!

Ударил — и сильнейших истребил!
Моих людей славнейших — истребил!

Коль так пойдёт — нам отступать придется!
Не уходить — бегом бежать придется!

Владенья наши — Чин, Халлух, Аяс —
Врагами будут отняты у нас!

Эй, мужи! Львы Турана, тигры Чина!
Где в вашем сонме хоть один — единый,

Кто выйдет против пьяного слона?
Кто дикого подстрелит кабана?

Тому я дочь отдать не пожалею
И с ним я властью поделюсь своею!

Что ж воинство? — Безмолствует оно,
Неистовством врага утрачено...

На зов царя никто не отозвался, —
И пахлаван Зарир в их стан ворвался,

И яростью безумной ослеплён —
Терзал врагов, как лев, топтал, как слон!

Хакан* Арджасп, когда увидел это, —
От чёрной злобы он не взвидел света.

Он возопил: „Богатыри мои!
Воители, князья, цари мои!

Кто истинно испытан в деле бранном?
Кто, смелый, со слонем сразится пьяным?

Чей лук могуч и чья верна стрела?
Кто на земь сбросит недруга с седла?

*) Х а к а н — титул правителя Китая.

Того всех выше на земле прославлю!
С собою рядом трон ему поставлю!

Не отозвался самых верных полк.
Царь с горя ликом пожелтел, умолк...

Но вышел Бедурафш, познавший толк
В ужасном чародействе, старый волк.

Сказал царю: „О равный небосводу!
Наш Афросьяб по знатности и роду!

Копьём твоим — да будет жизнь моя!
Щитом твоим — да будет жизнь моя!

Я встану на дороге кровопийцы,
Даст бог — убийцей стану для убийцы.

Врага пред шахом ниспровергну в прах! —
Войска и земли мне подарит шах!

Царь восхитился этим грязным псом,
Дал своего коня ему, с седлом.

Дал острый дрот с отравленным концом —
Дрот, закалённый в горне колдовском.

И вот — гляди! Колдун помчался в сечу
Зариру благородному навстречу!

Но видя светлого за пыльной мглой,
С огромной занесённой булавой,

Над воющей, бегущей толпой,
Ужасного, с кровавой бородой,

Как гневный призрак львоубийцы Сама, —
И груды тел... не мог итти он прямо! —

Нет, — он Зарира сбоку обогнул,
Приблизился — и в спину дрот метнул...

Меж плеч царя глубоко дрот вонзился,
И стан Зарира кровью обагрился.

И застонал и на земь рухнул он,
О, горе! Славный брат царя сражен!

И спешился тот Бедурафш проклятый,
С поверженного снял доспехи, латы...

Венец он взял и пояс дорогой,
Коня и стяг Зарира боевой.

И на слона то знамя водрузили —
И о победе войску возвестили.

Гушгасп взглянул на битву со скалы —
Где брат? Не видит среди пыльной мглы,

Спросил: „Вы где оставили Зарира?
Где он, сияющий, как солнце мира?

Мне чудится смятенье войск моих...
И почему их бранный клич утих?...

Неужто пал с коня он в ратном поле?
Неужто нет в живых Зарира боле?

Скачите к полю битвы на конях!
Ищите — где мой драгоценный шах?

Быть может там, на боевой дороге
Он распростёрт... О, я сгорю в тревоге!

Спешите же!“ Умолк великий шах,
Предстал гонец и пал лицом во прах

Гонец с песком и пылью в волосах!
С кровавыми слезами на глазах!

И он сказал: „О, царь! Твое светило,
Великий пахлаван, Ирана сила,

Хранитель трона, твой Зарир — убит
И на поле растерзанный лежит!

Маг Бедурафш, глава над колдунами,
Убил его, унес венец и знамя!“

Когда гонец усталый замолчал,
Пред шахом призрак лютой смерти встал.

И шах свои одежды разорвал,
Землей посыпал голову... призвал

Джамаспа молвил: „Горю не поможем!
Но как отцу мы о беде доложим?

Как ко двору его пошлю гонца?
Чем я утешу старого отца?

Скажу: О, что с твоим любимым сыном
Я сделал? — Кровь принёс твоим сединам!

О, горе! Горе! Сгинул светлый шах,
Пропал, как месяц в чёрных облаках!

Лохраспова Гульгуна мне подайте
И царственным седлом его седлайте!“

И приготовился к отмщенью он,
Как повелели вера и закон.

Но — „Стой — сказал старейшина — „Отложим!
Царя мы в битву выпустить не можем!“

И, по приказу мудрого, сошел
Гуштасп с коня и сел на свой престол.

Сказал: „Вы! Пахлаваны! Слава мира!
Кто выйдет отомстить за смерть Зарира?

Кто на дыбы подымет своего
Коня — во имя мести за него?

Да слышит бог всевысшний! Всенародно
Клянусь, как царь клянется благородный, —

Тому, кто грянет над врагом грозой,
Отдам я в жёны дочь свою Хумой!..

ИСФАНДИОР УЗНАЕТ О ГИБЕЛИ ЗАРИРА

Весть долетела до Исфандиора:
„Убит Зарир — страны родной опора!

Отец сгорает от тоски по нём!
Кто ж совершит возмездье над врагом?“

В слезах, Исфандиор всплеснул руками:
„Вот что таил свирепый свод над нами!

Я не страшился так за жизнь мою,
Как за него, когда он был в бою!

Мне горе, горе в грудь кинжал вонзило!
С кем нас судьба навеки разлучила?

Чей меч слона могучего убил?
Чей гром утёс железный раздробил?"

Он отдал брату знамя войсковое,
Доверил брату войско тыловое.

Он препоясал стан мечом для боя
И поднял знамя Кейево святое.

Шесть сыновей их было у отца —
Шесть алмазков царского венца...

И собрались, почтения полны,
Пред старшим братом царские сыны.

И к ним такое слово обратил
Исфандиор, глава иранских сил:

„Душой да не согнётся правоверный
В день гнева неба, в битве беспримерной!

Не бойтесь вражьиx копий и мечей! —
Никто не избежит судьбы своей.

Смерть всем нам предначертана судьбою.
Но смерть прекрасна там, на поле боя!

Слёз над убитыми не лейте, львы!
Душой в бою окаменейте, львы!

Как смерч, как аравийский ураган,
Обрушьте ужас на враждебный стан.

Сметите, раздавите войско Чина,
Как мощный силь, как грозная лавина!

В бой мчитесь, мстостью праведной дыша,
Дабы моя утешилась душа!

Свершите тризну крови по Зарице —
И ваша слава не померкнет в мире!"

Когда окончил речь Исфандиор,
Гуштаспа голос к ним донёсся с гор:

„Эй, львы мои, любимые сыны!
Вы — боевые сильные слоны!

Коль вражью силу сокрушите вы,
Коль волка в бегство обратите вы, —

Клянусь венцом зиждителя вселенной,
Клянусь душой Зарира незабвенной,

Что ныне предстоит очам творца, —
Я получил посланье от отца,

И согласился с мудрым шахом старым:
Коль сломяте врага своим ударом, —

Исфандиору трон я передам!
И скипетр, и корону передам!

Как отдал мне отец в былую пору,—
Отдам я свой венец Исфандиору,

Величье и достоинство отдам. . .
Пшутану ж—знамя воинства отдам.

ИСФАНДИОР ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА БИТВУ
С АРДЖАСПОМ

Когда же многославный, грозоликий
Исфандиор, тот богатырь великий,

Услышал клятву шаха своего,—
Смутилось вдруг все существо его.

Проехал пред отцом он к полю боя,
Взор опустив, поникнув головою.

И, словно див могучий из оков,
Он вырвался и грянул на врагов,

В их строй густой ворвался в иступленьи,
Как вихрь свирепый в жёлтый лес осенний.

Топтал врагов, и гнал, и убивал,
Как будто вихрь листву с ветвей срывал.

И облачил бронёй железной тело
Настур, Зарира сын осиротелый,

Коня он быстроходного избрал,
Коня чистопородного избрал.

И золотым покрыл его седлом,
Попоной и кольчужным чепраком.

Сел на коня и, подымая прах,
Помчался в бой Настур с копьем в руках.

И вражий строй, как молния, прорвал он.
„Где мой отец? Где мой отец?“—взывал он.

Был некто, видевший где пал Зарир,
Вонитель благородный Ардашир.

Сказал: „Вон там упал он под копыта,
Там рухнул он предательски убитый.“

Он там под чёрным знаменем лежит,
Над царским прахом лютый бой кипит“.

И день в очах Настуровых затмился.
И он в толпу дерущихся врубился.

В пыли и прахе видит труп отца,—
Кровь на ланитах бледного лица.

От горя сердце сына помертвело,
Он пал, рыдая, на отцово тело.

— „О мой отец! О свет души моей!
Прекрасный месяц сердца и очей!

В трудах взлелеял ты, взрастил меня,
И вот, покинул ты, забыл меня.

Как был прославлен, как ты был велик!
Ушел, мечты заветной не достиг“...

УБИЙСТВО БЕДУРАФША НАСТУРОМ И ИСФАНДИОРОМ

И препоясавшись на битву снова,
Сел витязь на Бехзода вороного,

Кипя желаньем мести, полный сил,
Настур на поле боя поспешил.

Пред вражьи строю он остановился,
Вдохнул печально, сердцем омрачился.

Сказал: „Я сын Зарира молодой
Не примет боя старый волк со мной...“

Где ж колдуна я встречу Бедурафша?
Где он—Ковы священный стяг украшавший?

И вот, ответа не дождавшись, он
Во вражий строй вломился исступлен.

Исфандиор со стороны другой,
Как разъярённый слон, пошел на бой.

Когда Арджасп, владыка полумира,
В бою увидел первенца Зарира,

Спросил: „Кто это в воинстве чужом
Так хорошо сражается копьем?“

Как будто сам Зарир, дерётся он.
Великий нам он нанесёт урон.

Скорее Бедурафша отыщите,
Ко мне его немедленно приведите!“

И вскоре Бедурафш предстал пред ним
Со знаменем Кейянов голубым.

Сидел он на Зарировом коне
В доспехах пехлевйских и броне.

Дрот заколдованный свой взял и в сечу
Он поскакал царевичу навстречу.

Оружие, которым поразил
Отца, теперь на сына устремил.

И сшиблись средь кровавого майдана*
Ирана светоч и колдун Турана.

На этот поединок кинул взор
Могучий богатырь Исфандиор.

Спеша, как смерч, исполненный огня,
На Бедурафша он погнал коня.

Почуял гибель Бедурафш проклятый—
И вспять понесся ужасом объятый.

Всё ж, убегая, ядовитый дрот
Метнул в царя колдун проклятый тот,

Но не померк царя блестящий взор—
Дрот на лету поймал Исфандиор.

И меж лопаток дрот врагу вогнал
И сердце Бедурафша растерзал.

И грянулся на землю бездыханный
Колдун, узнавший силу пахлавана!

И спешился с коня Исфандиор,
Снял с Бедурафша царственный убор.

* М а й д а н — поле боя.

И сняв доспех Зарира боевой,
Отсек врагу полтела с головой.

Взял царского красавца-скакуна
И голову седую колдуна,

Так был восторг иранских войск велик,
Что гром их кликов до неба достиг.

Так победил Исфандиор суровый.
Привёл он к шаху скакуна гнедого,

Вернул царю красавца-скакуна.
И голову убийцы колдуна,

Пред троном бросив, как мешок бросают,
Сказал царю: „Убийцу—убивают!“

БЕГСТВО АРДЖАСПА С ПОЛЯ БИТВЫ

Об отомщении витязь вспомнил снова.
Коня Зарира оседлал гнедого.

И всю громаду пехлевийских сил
Пред боем на три части разделял.

Настуру вверил левое крыло,
Нушаду вверил правое крыло,

Сам во главе и в средоточьи стал
И голосом громовым приказал

В бой двигаться. И солнце благородства —
Настур — и все другие полководцы

Друг перед другом тут же поклялись:
„Преломим копья, кровь прольем и жизнь

Здесь отдадим, мечами землю вспашем,
Но вражеский оплот да будет нашим!“

И, сидя на конях, в жестокий бой
Умело повели за строем строй.

Взгляни, как юные — светлей зари —
Пошли иранские богатыри.

Пыль войны до неба за клубили,
Доспехов блеском небо озарили!

И столько всадников они убили,
Что степь холмами трупов завалили.

Такие реки крови закипели,
Что мельниц бы колеса завертели.

Потрясся ужасом хакан тогда —
Он понял, что ударила беда.

В отчаяньи увидел трупов горы —
И некого поставить для отпора.

Войска бегут. И повернулся он.
Лицом к пустыне, сердцем сокрушён.

Бежал — лицом к пустыне обращён,
И день уже прошел, и небосклон

Уже померк. Ирана исполины
В погоню ринулись за войском Чина.

И наступила ночь. Покрыв туман
Убийств неисчислимых океан.

ПОМИЛОВАНИЕ ТУРАНЦЕВ ИСФАНДИОРОМ

Когда увидели войска Турана
Смерть тысяч, бегство самого хакана, —

Сошли они с усталых скакунов,
К Исфандиору послали гонцов.

Повергли на земь луки и клинки,
Кольчуги и стальные шишаки.

Сказали победителю: „Коль шах,
Нас не захочет растоптать во прах, —

Мы все откажемся от веры старой,
Поклонимся Авесте* и Озару!***

И души и тела их пощадил
Солнцеподобный вождь иранских сил.

И весть об этом войску возгласил,
Убийства жаждущих остановил.

„Эй витязи мои! Любимцы боя
Оставьте Чина воинство в покое!

Повержены враги, поражены,
Вложите же мечи свои в ножны“.

И приказал убитых сосчитать
И раненых на поле подобать.

И потекли послушные бойцы
По степи, по горам во все концы.

Иранцев было тридцать тысяч там —
Судьбою в жертву отданных мечам.

Сто тысяч пало вражеских бойцов
Под бивнями и поступью слонов.

* Священная книга зороастрийцев.

** Божество света и добра у зороастрийцев.

И так ужасно было битвы поле,
Что горы содрогнулись поневоле!

Тогда — счастливый — воротился в стан
Исфандиор, могучий Руинтан.

Сказал Настуру: „Завтра встань с зарёй,
Веди войска великие домой“.

И утром барабаны загремели.
Войска заколыхались, зашумели,

Направились в иранскую страну,
Победоносно завершив войну.

КЛЕВЕТА ГУРАЗМА И ЗАТОЧЕНИЕ ИСФАНДИОРА В ТЕМНИЦУ

Был муж Гуразм — в боях стяжавший славу,
Надменный и завистливый по нраву.

Таил он на Исфандиора зло.
Не знаю, что у них произошло.

Он был в родстве с Гуштаспом властелином,
Но в чём-то не поладил с царским сыном.

Всегда, когда о нем он речи вёл,
Сеть клеветы Гуразм искусно плёл.

И царственную душу он потряс
Змеиной клеветою, как-то раз, —

Что, мол, измену замышляет сын...
И лжи поверил гневный властелин.

— „Неслыханно!“ — сказал владыка мира.
Призвал Джамаспа — мудрого вазира.

Сказал: „К Исфандиору в стан поди!
Ко мне его немедленно приведи!“

Сурово написал: „Эй царь счастливый!
Эй сын мой! Победитель горделивый!“

Вот я Джамаспа мудрого послал —
Он и Лохраспа славного знавал.

С ним вместе — препояшься для пути.
С ним вместе — поспеши ко мне притти.

Коль спишь теперь — ты поскорей проснись!
Коль бодрствуешь ты — иди, не задержись!“

Джамасп с посланьем царственным пошёл,
Пустыни, реки, горы перешёл...

Печаль объяла царственного сына.
Сказал: „Какая ждёт меня судьбина?“

Пойду с тобой... Сам ведаешь мудрец,
Недоброе мне сделает отец.

Приказ ли повелителя нарушу —
Навеки погублю и честь, и душу.

О мудрый! Средство ты изобрети,
Как от беды уйти и честь спасти?“

Мудрец сказал: „Ты, шах, душой велик,
Годами молод, а умом старик.“

Священен гнев царя и властелина,
И гнев отца дороже счастья сына.

Иди к отцу, держи пред ним ответ,
Чтоб ни задумал он! Вот мой совет“.

И вот пришёл к отцу Исфандиор,
Склонив покорно голову и взор.

Сказал владыка: „Цепи принесите,
Его закуйте, путами свяжите!“

И кузнецов тюремных привели,
Оковы и ошейник принесли.

Стан витязя цепями оковали,
И ноги кандалами оковали.

В такие цепи ноги заковали,
Что все, кто это видели, — рыдали.

И вот был слон огромный приведен,
И на спину слона был взвален он.

И в отдаленный замок Гумбадон
Был славный победитель увезен.

В том горном замке, в узилище тесном,
Цепями к четырем столбам железным

Прикован скорбный был Исфандиор.
Так вместо трона — цепи и позор.

Приял он от властителя вселенной!
Угрюмые тюремщики несменно

За ним глядели. Там остался шах
Томиться в муках скорби и слезах.

Фирдоуси

БОЙ
ИСФАНДИОРА
С
РУСТАМОМ

ИСФАНДИОР ТРЕБУЕТ ЦАРСТВО
У ОТЦА

Ночь, повернув узду, во мглу ушла.
Заря над миром копыа подняла.

Сел на златом престоле шах великий,
И сын пред ним предстал прекрасоликий.

Задумчивый, склонив покорно взор,
Стал пред отцом своим Исфандиор.

И собрались пред властелином мира
Богатыри, советники, вазиры.

Мобеды среброкудрые пришли,
И полководцы мудрые пришли.

И с горькой болью в сердце начал слово
Исфандиор—печальный и суровый.

Сказал: „О шах! Даровано тебе
Могущество, подобное судьбе!

Любви и справедливости законы
Ты издал—в славу Кейевой короны!

Я исполняю твой приказ любой.
Отец! Я только раб перед тобой!

Когда Арджасп для истребления веры
Привёл к нам войско без числа и меры,

Я клятву дал великую о шах,
Стоять, как страж, на вражеских путях!

Кто от дороги отвратится верной,
И кто языческой прельстится скверной,

Тех я поклялся убивать мечом,
И страха в сердце не было моем

Ни перед кем! Когда Арджасп, как гром,
Ударил,—в бой вступил я с грозным львом!

Но ты меня унизил и обидел,
Ты лжи в речах Гуразма не увидел,

Ты на пиру за чашею сидел
И в цепи заковать меня велел.

И ты сковал мне тело кандалами,
Оковами с кузнечными гвоздями.

Ты в Гумбадоне заточил меня!
Тюремщикам ты поручил меня!

Ушел в Забул, покинул ты страну—
Ты видно пиршеством считал войну!

Не видел ты меча Арджаспа злого,
Увы! Повинен ты в крови отцовой.

Джамасп приехал в замок Гумбадон—
Страдания мои увидел он.

Страданиями моими потрясён,
Корону предлагал он мне и трон.

Позволить цепи снять просил меня,
Принять свободу он молил меня.

Но я сказал, что наручни и цепи,
Сии столбы и каменные крепи

Я унесу с собой на Страшный Суд—
Пусть богу о неправде вопиют!

Тогда он стал о бедствиях народных
Рассказывать, о смерти благородных,

Что под мечами в битве полегли,
О сестрах, коих в рабство увели.

О Фаршидварде рассказал, героя,
Что в тяжких ранах пал на поле боя.

Что сам бежал ты, о великий шах,
Что о моих ты восскорбел цепях!

Спросил: „Неужто сердце из железа
В Исфандиоре?—Встань, разбей железо!

И поспеши туда, где ждут тебя!“
Так говорил он плача и скорбя.

И я сломал ошейник и оковы,
На поле боя устремился снова.

Разбил врага и воинство его.
И защитил я шаха моего!

Арджаспа этой сталью обезглавил,
Гуштаспа возвеличил и прославил.

Казну и трон, корону, жен, детей
Врага—деснице предал я твоей,

Дабы владычил ими справедливый.
Мое ж богатство—раны, труд—нажива!

Я с чистым сердцем, о властитель сил,
Твои веленья принял и свершил!

— Ко мне вернёшься—ты мне говорил:
— Души превыше ты мне будешь мил!

Мной уготована тебе корона,
И золотого ты достоин трона.

Ты мужеством корону заслужил,
Мечом ступени к трону проложил!—

И мне теперь пред знатными обида,
Коль спросят: „Где ж корона Кейянида?

Где власть его и воинство его?“
Был весь мой труд тяжелый для чего?

Но шах-ин-шахи*) выполняют слово!
Цари царей не нарушают слово!

*) Шах-ин-шах—титул правителей Ирана. Царь царей.

Мой царь! На сына возложи венец,
Как на тебя твой возложил отец!"

ОТВЕТ ГУШТАСПА СВОЕМУ СЫНУ

Шах отвечал: „От правды отойдёшь, —
Дорогу потеряешь, не найдёшь.

Ты совершил, мой сын, гораздо боле,
Чем говоришь. Ты — лев на ратном поле!

Врагов тебе по силе равных нет —
Ни притаившихся, ни явных нет.

Нет никого кто б на тебя поднялся,
Кто б сердцем пред тобой не содрогался.

Но жив на свете Заля сын — Рустам,
Могучий воин, исполин—Рустам.

Ему принадлежит Забулистан,
А также Тус, Газнин, Кабулистан.

Чело он к небу гордо поднимает,
Моим слугой себя он не считает.

Велениям моим он не внимает,
Заветов царственных не исполняет.

Ведь был рабом у Кей-Кавуса он,
От смерти Кей-Хусравом был спасён.

Глумится он над славою моею:
„Венец—мол—старше царского имею!"

В Туране, в Руме и в стране любой
Нет мужа, кто б соперничал с тобой.

И должен ты пойти в предел Сейстана,
Все в ход пустить—от битвы до обмана.

Меч обнажить и булаву поднять,
Надменного Рустама заковать.

И Завора, и Фаромарза—сына
В цепях привести пред очи властелина.

Да будет Кейев трон один высок,
Дабы никто сравниться с ним не мог!

Клянусь творцом, царем небесной силы,
Создавшим солнце, месяц и светила!

Авестой и Озаром—я клянусь!
Зардуштом, Нушозаром—я клянусь!

Твое чело венчаю я короной—
И ты со мной воссядешь в славе трона!"

Но сумрачно царю ответил сын:
„О мудрый, справедливый властелин!

Ушел ты от обычаев былого.
О шах, какое мне ты молвил слово?

С хаканом Чина битву заверши!
Чин и Халлук в обломки сокруши!...

Но спор заводишь с мужем престарелым,
С воителем великодушно смелым?

Он был щитом Ирана шесть веков,
Кавус нарек его „разящим львов“!

Со дней владыки мира Кей-Хусрава
Прославлен всадник Рахша величавый.

От Минучехра и до наших дней
Иран им горд, как славою своей!

Когда несправедливы властелины—
Внимать их повеленьям нет причины“.

Исфандиору отвечал отец:
„Эй, сын мой! Гордый царь и удалец!

И верность—только прах в степи клубимый,
Коль со стези отцовской ступишь мимо!

Короны хочешь ты?—Иди в Сейстан!
Великие войска веди в Сейстан!

Возьми Рустама, скуй его цепями,
Со связанными приведи руками.

Остерегись Рустамовой родни,
Уберегись, мой сын, от западни!

А Фаромарза, Завора и Заля
Гони пешком, чтоб все позор их знали!

Чтоб в мире все пред нами трепетали,—
Добро ли, зло ли мы им даровали!“

„Нет, царь!“—угрюмо поднимая взор,
Ответствовал отцу Исфандиор.

„Ты ищешь не Рустамова позора,
Ты ищешь отдалить Исфандиора!

И что тебе Рустам и старый Заль?
Тебе короны жаль, и трона жаль!

Пусть будет трон твоим, во имя бога!
А мне довольно хижины убогой.

Что ж, повелитель, только раб я твой!
Я голову склоняю пред тобой!“

Гуштасп сказал: „Не гневайся напрасно!
Величия достигнешь, сын прекрасный!

Казну мою бери! Войска бери!
С тобой пойдут мои богатыри!

Доспехи, войско, деньги пред тобою.
Да веет страх над вражеской страной!

Мне без тебя—что войско, что казна?
Мне без тебя корона не нужна!“

Исфандиор сказал: „Коль век мой прожит,
Мне никакое войско не поможет.

И, коль придёт мне время умирать,
Богатырям меня не отстоять!“

И удалился ликом омрачённый,
В смятении дум, душою сокрушенный.

Угрюмый он вернулся в замок свой,
Сжав губы, полн тревогой и тоской.

И С Ф А Н Д И О Р П Р И В О Д И Т В О Й С К О В
З А Б У Л

Когда петух пропел перед зарей,
Раздался в замке барабанный бой.

Сел на коня Исфандиор могучий,
Повёл войска, как ветер гонит тучи.

Повёл в Забул железные ряды,
Охваченный предчувствием беды...

На берегу Хирманда пред Сейстаном
Войска Исфандиора стали станом.

Разбил шатёр и трон воздвигнул шах.
Друзья близь трона сели на коврах.

И сел Пшутан с Исфандиором рядом.
И шах вечерним предался усладам.

Призвал певцов, свой дух развеселил,
Друзей избранных круг развеселил.

И лица славных, словно розы, рдели
От старых вин и сладостной свирели.

Исфандиор сказал: „Не смог пойти
Я против шаха! Сбил я с пути!

Он мне сказал: „Поди, схвати Рустама!
Ко мне в оковах приведи Рустама!“

Увы! Закон мне—шаховы слова...
Но тот великий муж с душою льва—

Он спас твердыню шахского престола,
Мир утвердил он булавой тяжелой.

Цари, рабы, селенья, города—
Обязаны Рустаму навсегда!

Пусть муж пойдет разумный, умудренный,
Искусством убежденья одаренный,

Испытанный, которого и сам
Не смог бы хитрый обмануть Рустам.

Коль доброй волей он прибудет к нам,
И с ним отец его Достони-Сам,

И руки даст связать—он не увидит
Зла от меня! Никто их не обидит!

Добром я многославному воздам!
Добром—когда не будет он упрям!“

Пшутан ответил: „В мудрости пребудем!
Ты прав—не причиняй страданий людям!“

ИСФАНДИОР ПОСЫЛАЕТ БАХМАНА
С ПОРУЧЕНИЕМ К РУСТАМУ

И утром пред царем Бахман предстал.
И сыну так Исфандиор сказал:

„Сядь на коня Кейянов вороного,
Одеждой Чина облачись шелковой,

Надень венец, который носит шах,
Корону в пехлевийских жемчугах,

Чтоб каждый кто бы ни узрел тебя,
Средь знатных отличить сумел тебя,

Чтоб всяк узнал пославшего тебя
И прославлял создавшего тебя!

—Взяв пять коней—все в золотых пополах—
И десять мужей—мудрых и ученых—

Ступай к Рустаму сыну Заля в дом,
Иным не занимай себя трудом.

Привет ему от шаха передай,
Красиво, мягко дело излагай!

Скажи: „Обижен не был ни единый,
Кто стал под щит царя и властелина.

Всевышнего творца благодарит,
Кто стал под светлый падишахов щит.

И каждый, чья душа к добру лежит,
Познает благо, зла не совершит.

И в мире он прославится навечно,
И счастлив будет в жизни быстротечной,

И после смерти не уйдет во тьму —
Бессмертье уготовано ему!

—Зло и добро для смертного минует —
Так мыслит тот, кто бога именует.

По смерти всех земное лоно ждёт,
Душа же к непорочному уйдет.

И каждый, чтящий вечного над нами,
Старается в согласьи жить с царями.

Теперь на жизнь твою мы бросим взор,
Но не во осуждение, не в укор.

Прекрасна жизнь твоя и величава.
Превыше звезд твоя сияет слава.

Но, мудрый, сам ты можешь рассудить,
Сам согласишься, что так не должно быть.

Твое богатство и величье трона,
И воинство, и слава, и корона,

Твои бесчисленные табуны —
Тебе моими предками даны!

Мир пред царем Лохраспом преклонился,
Но ты к нему ни разу не явился!

И вот Гуштаспу царство он вручил,
Но и Гуштаспа ты не посетил.

Его ты ни посланьем не почтил,
Ни добрым пожеланьем не почтил.

Ты не почёл своим царем его!
Себя ты не почёл рабом его!

Был Джам, и Феридун могучий был,
Который власть Заххока сокрушил.

Был шах Хушанг — наш древний прародитель,
Был Кей-Кубад — величия зиждитель.

Но не был так ничей высок венец,
Как тот, что носит наш Гуштасп-отец.

Нет мужа равного ему на свете
Ни на пиру, ни в битве, ни в совете!

Он веру в бога в мире утвердил,
Насилье и неверье победил.

Он солнцем правды землю озарил,
Враждебных миру дивов покорил!

Когда хакан Арджасп привел в Иран
Не войско—кровожадный океан,

Акул и тигров, алчущих добычи,—
Гуштасп восстал во гневе и величьи.

Он гибель от вселенной отвратил,
В кладбище поле боя превратил!

Пока сиять над миром звёзды будут,
Его деяний люди не забудут.

Теперь его—Ховар, его—Бахтар!
Свирепейших сразил его удар!

От Рума до пределов крайних Чина
Мир под рукой его, как воск и глина.

И степь, что непокорна никому,
Отныне поклоняется ему.

Мир покорился навсегда ему.
Дань платят златом города ему.

Все это мной затем говорено,
Что сердце шахское огорчено.

Тобой, Рустам, огорчено оно,
Ты двор царей, увы, забыл давно!

Ты захотел от мира отстраниться!
Ты от великих захотел сокрыться

Но, не лишась ума и честь любя,
Великие забудут ли тебя?

Всегда и всюду ты добра искал,
Со славой волю шахов исполнял.

Когда твои деянья оценить,
Казны не хватит их вознаградить.

Но оправданье можно ль дать тебе
При всём, что должен я сказать тебе?

Гуштасп решил—Рустам обогатился
И ликом от великих отвратился.

Засел в Забуле он и гордым стал,
К моим делам он рук не прилагал.

И шах Гуштасп, разгневанный тобой,
Поклялся днем и ночью голубой,

Что если сам ты не явился ране,
Да будешь приведён ты на аркане!

Поберегись царя на этот раз!
Не видел ты его железных глаз!

Когда ты доброй волей покорись,
Раскаешься, с владыкой примиришься,

Клянусь душой зарировой святой,
Клянусь короной шаха золотой,—

Отец раскается перед тобой,
Он озарит померкший месяц твой.

Мне в том Пшутан—свидетель благородный,
Дух мудрости, мой светоч путеводный.

Старался шаха успокоить я,
Но понял: за тобой вина твоя!

Я—раб царя, а он—моя глава,
И для меня закон его слова.

Вы всей семьей сойдите для совета,
Решите, обсудите дело это.

Твой сын, твой брат, отец—Достони-Сам
И мать достойная твоя, Рустам,

Да внимут добрым дружеским словам,
Разумным, царским, мужеским словам.

Твой светлый дом не должен стать руиной,
Пустынною развалиной совиной.

Но, если к шаху связанным придёшь,
Ты скорбью сердце шаха потрясёшь.

Он, если грянет бурей над тобою,—
Тогда я стану перед ним стеною,—

И ветер не повеет на тебя!
Так говорю я, истину любя!“

БАХМАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ К ЗАЛЮ

В одеждах царственных, золототканых,
В короне, что сияла на Кейянах,

Прекрасноликий встал, покинул стан,
К Рустаму в путь отправился Бахман.

Вброд перенёс его в волнах потока
Конь вороной, высокий, огнеокий.

Дозорные, заметивши вдали
Бахмана, тут же в замок донесли,

Что едет в золотых одеждах воин,
В венце, который царь носить достоин.

Сияет знамя впереди него,
Народ верхами позади него,

И Заль сел на коня, оружие взял,
Колчан к луке седельной привязал,

Навстречу выехал и увидал
Бахмана—и печальный вздох издал.

Сказал: „То витязь царственного рода!
Он—шах. Видна в нем кейева порода.“

Он, вижу, от Лохраспа род ведет...
Да будь благословен его приход!“

Бахман подъехал к Залю полн величья.
Не знал дотоль он Залева обличья.

Бахман Достони-Сама не узнал:
„Эй муж-дехканин!“*—громко он сказал.

—„Где я найду Рустама, Заля сына,
Опору мира, славы властелина?“

Исфандиор пришел в Забулистан,
На берегу реки раскинул стан“.

Заль отвечал: „Эй, сын мой, ради бога,
Сойди с коня и отдохни немного!“

* Дехканин—во времена Фирдоуси землевладелец
феодал.

С охоты он воротится вот-вот.
С ним брат, и сын, и воинство придёт.

Ты с нами здесь покамест посиди!
Вина испей, немного погоди“.

Отвечествовал царевич светлолицый:
„Шах не велел мне пить и веселиться.“

Проводника, старик, мне отряди,
Иль сам меня к Рустаму проводи“.

Заль спросил: „Чего желаешь ты?
Кто твой отец? Где обитаешь ты?“

Ты родом от Лохраспа мнится мне!
Ты родом от Гуштаспа—мнится мне!“

Отвечил тот: „Я наречен Бахманом,
Рожден Исфандиором Руинтаном“

Сошел с коня Достони-Сам седой,
Склонился перед гостем головой.

Сказал: „О шах мой! Посиди у нас,
Царя за чашей подожди у нас!“

—„Нет, с порученьем, что мне дал отец,
Я должен поспешить!“—сказал гонец.

И выбрал Заль в дружине пахлавана,
Чтоб на охоту проводил Бахмана.

Тот проводник был возрастом не юн,
Был опытен. А звался он—Ширхун.

До мест охоты шаха он довёл,
Путь указал—а сам назад пошёл.

БАХМАН ПЕРЕДАЕТ ПОРУЧЕНИЕ
ОТЦА РУСТАМУ

Гора Бахманову предстала взору.
Конь богатырский внес его на гору.

И он с горы взглянул на лик земли
И сына Заля увидал вдали.

Тот муж был сходен с Бисутун-скалою.
Он дерево держал одной рукою

Над жарко дотлевающим костром.
На ствол онагр надет был целиком.

Другой рукой он чашу поднимал,
И юноша, служа, пред ним стоял.

В тени деревьев свежих, близь потока
Рахш на лужайке пасся недалеко.

Бахман подумал: „Это кто ж? Рустам?
Иль это солнце утреннее там?

Такого мужа не было в Иране
И в целом мире—ни теперь, ни ране.

Боюсь—не сладит с ним Исфандиор,
Всем нам гибель будет и позор.

Я лучше камнем сам убью его,
Повергну в горе всю семью его!“

И он скалу—не камень—отвалил
И с крутизны горы ее пустил.

И от паденья загремели горы,
И далеко отгрянули просторы.

„Рустам, спасайся! Рушится гора!“—
Тревожно с поля крикнул Загора.

Но Тахамтан Рустам не шелохнулся,
Онагра жарил—и не обернулся.

Густую пыль по взгорью подняла
И налетела тяжкая скала.

Ногой Рустам ее ударил с силой,
Гремя, она далеко отскочила,—

И Завора восторга крик издал.
Затосковал душой Бахман,—сказал:

„Когда Исфандиор—воитель славный
С Рустамом дивным вступит в бой неравный,

Мы пропадем—Рустам непобедим.
О, лучше б миром кончить дело с ним!

Но коль отец осилит Тахамтана,*
Все наши будут города Ирана!“

Сел на коня в рассеянности он,
С горы спустился— в думы погружен.

И воротился к своему отряду.
И всё поведал старому мобаду...

И вновь к Рустаму поскакал Бахман.
Когда его заметил Тахамтан,

Сказал он кругу мудрых приближённых:
„Вот едет муж из царственнорождённых,

В короне Кейев—истинных царей...“
И встал Рустам со свитою своей.

* Та х а м т а н—прозвище Рустама.

И спешился Бахман, как пред владыкой,
Почтительно, с поспешностью великой.

Рустам сказал: „Себя не назовёшь—
Желанного у нас не обретёшь.

Ответил тот: „Я—сын Исфандиора—
Бахман, престола шахского опора“.

И обнял гостя пахлаван, сказал:
„Прости мне, шах, что встретить опоздал“.

Повел его хозяин знаменитый
К стоянке. С ними избранная свита.

И сел Бахман, и передал привет,
Царя Ирана передал привет.

И доложил, что Руинтан могучий
Привёл войска, как грозные тучи.

Что над рекой Хирмандом станом стал,
Как властелин вселенной приказал.

Сказал: „От шаха передам посланье,
Коль у тебя есть выслушать желанье“.

— „Сын шаха!—так хозяин отвечал.—
В пути далёком, вижу, ты устал.

Позавтракаем здесь в уединеньи
А там — весь мир в твоём повиновеньи!“

И свежий хлеб, и тут же — целиком
Онагра, жареного над костром,

Принес хозяин. Блюдо золотое
На скатерти поставлено слугою.

Рустам с собою брата посадил
И больше никого не пригласил.

Второго же себе онагра взял,
Он всякий раз по целому съедал.

Отрезал, есть принялся Тахамтан.
И с изумлением наблюдал Бахман,

И сам отрезал и насыпал соли,
Но он — Бахман — не съел и сотой доли

Того, что съел Рустам. И тот, смеясь,
Сказал: „Мы сели здесь, чтоб кушать, князь!“

Как ты копьём в бою разить сумеешь,
Коль аппетит такой плохой имеешь?“

Бахман ответил: „Царские сыны
В речах, в еде воздержны быть должны.

Они едят немного, но бесстрашны
На поле брани, в битве рукопашной“.

Хозяин засмеялся и сказал:
„Отважен ты, мой шах, я это знал!“

Вином наполнил чашу больше чана
И поднял за богатырей Ирана.

Вторую чашу гостю он поднес:
„Пей за кого ты хочешь!“ — произнес.

Бахмана эта чаша испугала:
Воздержан был во всем и пил он мало.

Отпив из чаши, молвил Завора:
„Пей, шах, во имя дружбы и добра!“

И чашу взял из рук его достойно,
И осушил ее Бахман спокойно.

Был в удивленьи от Рустама он —
Так тот был мудр, величествен, силен.

Садиться на коней уж было время.
Поехали неспешно, стремя в стремя.

И что отец Бахману наказал,
Бахман пути Рустаму рассказал.

ОТВЕТ РУСТАМА
БАХМАНУ

Всё выслушал, сединами склонился,
В раздумье престарелый погрузился.

Потом сказал: „О гость мой, светоч глаз!
Вот, я услышал царственный наказ.

И мой таков ответ Исфандиору:
„Эй лев, как солнце дня, отрадный взору!

Кто разумом и честью дорожит,
Тот в корень дела, в глубь вещей глядит.

С таким богатством, счастьем и судьбою,
С такой неисчислимою казною,

С величием, с могуществом таким,
С высоким саном, с именем твоим,

С твоею властью, с тронем золотым
Злой умысел, о царь, несовместим!

Сам знаешь: множество ненужных слов,
Что яблоня без цвета и плодов.

Мост алчности висит над грозной бездной.
Дорога злобы будет бесполезной.

Но взвесит слово, кто душой велик,
Очистит от дурных речей язык.

И мудрый изберет слова такие,
Чтоб радовались все сердца людские.

Всех будет превзойти дано ему
По мужеству, познаниям и уму.

Твое известно имя в Индостане,
В Туране, в Руме и Ховаристане.

Я за тебя молюсь миров царю!
За наставление благодарю!

Я много лет всевышнего молил,
И ныне бог мне сердце озарил.

Узрю лицо прекрасное твое,
Лицо, как солнце, ясное твое!

Мы сядем рядом в сонмище друзей,
Подыдем чашу за царя царей.

Теперь обрёл я то, чего я ждал,
Достиг теперь того, чего желал.

Скажи отцу—без воинства приду я,
Один, в броне достоинства приду я.

Заветы мудрых истину гласят,—
Их дали Кей-Хусрав и Кей-Кубад.

Скажу ему: „Вот сам я пред тобою!
Мои дела и подвиги со мною.

Ты на мои деяния взгляни,
На труд и на страдания взгляни.

Взгляни на службу долгую мою,
Как я всю жизнь был за царей в бою!

И коль наградой будут мне оковы,
Немилость шаха, гнев его суровый,

То лучше мне на солнце не глядеть,
И лучше мне скорее умереть!

Приду, открою помысл сокровенный,
И прозвучит мой голос во вселенной.

Скажу: „Коль я виновен, пусть твой меч
Снесёт мне голову седую с плеч.

Свяжи верёвкой, обесчесть меня!
На тигровых ремнях повесь меня!

Не я ль слону затылок сокрушил
Огромному и в Нил его свалил?

Мне злобных слов, о шах, не посылай,
Ты сердце дива—не моё—терзай!

Как мне речам неслыханным внимать?
Знай: ветер на цепях не удержать!

Как путь найдёшь в пылающем просторе?
Без кормчего пересечёшь ли море?

Как солнце и луну затмить нельзя,—
Лису с могучим львом сравнить нельзя.

Вовек цепей мои не знали ноги,
Я лютым львам не уступал дороги.

Со мною распри ты не затевай!
Я—дух и смысл боёв, не забывай!

Пусть Ахриман твой ум не затмевает!
Так поступи, как шаху подобает!

От сердца мудро злобу отведи,
На мир юнца глазами не гляди!

Своё благоволение нам яви,
О шах, господь тебя благослови!

Нас удостой, о славный, посещеньем,
Нас одари величья лицезреньем!

Я Кей-Кубаду верным был слугой—
Да буду осчастливлен я тобой.

Ты с воинством своим в мой дом приди,
Два месяца в весельи проводи.

Пусть воины усталые окрепнут,
И пусть враги от зависти ослепнут.

А столько дичи, птиц в стенах моих,
Что мы с тобой не переловим их!

Я наслажусь охотою с тобою,
Взгляну, как тигра ты разишь стрелою.

Когда ж в Иран захочешь ты уйти,
Войска домой захочешь увести,

Я отопру казну с добром своим,
С добром, что добывал мечом своим.

Возьми, что хочешь, прочее—раздай,
Отказом сердце мне не омрачай!

Когда ж настанет время возвращения,
И я,— во имя шахского веленья,—

Я от тебя коня не отведу,
С открытым сердцем я с тобой пойду.

Я извиненьем шахский гнев смягчу,
Ступни царя слезами омочу.

Покорствуя, сумею я узнать
Зачем мне руки надобно связать?

— Запомни речь мою! Не забывай
И шаху слово в слово передай!“

ВОЗВРАЩЕНИЕ БАХМАНА

И поскакал назад Бахман счастливый,
И с ним его мобед благочестивый.

И долго вслед ему Рустам глядел
Задумчивый. И брату повелел:

„Иди поспешно во дворец Достана,
Предстань пред месяцем Забулистана.

И сообщи: Пришел Исфандиор,
Над миром длань грозящую простер.

Поставьте в замке троны золотые,
Покровы расстелите парчевые,

Как в те года, когда к нам Кавус-шах
Бывал и веселился на пирах.

И приготовьте яства без изъянов,
Прекрасные, достойные Кейянов.

Пришел к нам, львиной яростью горя,
Исфандиор, великий сын царя.

Шах многославный, муж непобедимый,
Убийца львов, боец неустрашимый.

С надеждою добра пойду к нему
Просить, чтоб гостем был в моем дому.

Коль доброе намеренье пойму —
Рубиновый венец отдам ему.

Мне для него ни жемчуга, ни злата
Не жаль. Ни сбруй, ни коней, ни булата.

Но коль надежды я лишусь моей,
С ним у меня не будет светлых дней“...

Брат отвечал: „Не близко до беды.
Не ищет брани тот, в ком нет вражды.

Нет витязя подобного ему
По духу, благородству и уму.

Не совершит разумный дела злого,
Напрасно злого не изронит слова“.

И Завора уехал... Тахамтан
Направился в Исфандиоров стан.

И осадил коня он над рекою,
С душой стесненной, как перед бедою...

Скрутив поводья, Рахша удержал.
Пока Бахман вернется — подождал.

Бахман к шатрам отцовым прискакал,
Во весь свой рост перед отцом предстал.

И ласково отец Бахмана встретил,
Спросил: „Как славы муж тебе ответил?“

И сел Бахман прекрасный пред царем,
Все о посольстве рассказал своем.

И передал сперва привет Рустама.
Пересказал потом ответ Рустама.

И все отцу по правде изложил,
Что видел — ничего не утаил.

Потом прибавил сам: „В подлунной всей
Ему подобных нет богатырей.

В нём сердце льва, он телом — мощный слон,
Возьмёт из Нила крокодила он.

Он там стоит — на берегу Сейстана,
Без лат пришел, без шлема, без аркана.

Я умыслов его не мог узнать,
Тебя — сказал — он хочет повидать“.

Бахману отвечал отец сердито,
Он сына устыдил пред всею свитой:

„Нельзя в присутствии детей и жен
Решать дела иль обсуждать закон.

И, правда, ни в посольстве, ни в совете
Мужском участвовать не могут дети.

Дитя! Где ты видал богатырей?
Ты не слышал и топота коней!

Ты нам слоном Рустама представляешь,
Ты воинов моих сердца смущаешь.

Иди же!“ И сказал, смиряя гнев,
Пшутану тихо: „Этот юный лев

Так лишь от страсти может говорить.
Он молод, нам его нельзя винить“.

ВСТРЕЧА РУСТАМА С ИСФАНДИОРОМ

И привели коня пред Руинтаном,
Покрыв седло попоной златотканной.

Сто верховых с собой царевич взял,
Навстречу сыну Заля поскакал.

И Рахш приветно за рекой заржал.
Ответно шахский вороной заржал.

Снежнокудрявый спешился Рустам,
Пешком навстречу он пошел гостям.

Приветствовал и молвил: „Я у бога
Молю, чтоб верной вел меня дорогой.

Вот ты приехал к нам, Исфандиор,
На склоне жизни мой утешил взор.

Садись, мой гость, добром поговорим,
И добрый мы ответ потом дадим.

Свидетель—бог! Мой дух открыт пред ним,
Что я добром, не злом, руководим.

Зачем мне украшать себя словами?
И ныне лжи не будет между нами!

Вдруг если б ожил Сиявуш—поверь—
Так не был бы я счастлив, как теперь.

Как дивно Сиявушу ты подобен,
Который был так щедр и так незлобен!

Отец твой, да возрадуется он,
Что им такой прекрасный сын рожден!

Да процветает каждая обитель,
У коей столь могучий повелитель!

И горе тем, кто на тебя пойдет,
Их дом, их трон, их жизнь во прах падет.

Да сокрушится кров врагов твоих!
Да истребится кровь врагов твоих!

Да дружит счастье с судьбой твоею!
Да будет ночь тебе зари светлее!"

И спешил с коня Исфандиор,
Объятия Рустаму распростер.

К груди слоноподобного прижал
И много слов приветливых сказал:

"Хвала творцу, о пахлаван вселенной,
Ты бодр, и свеж, и мощен неизменно!

Достойный поклонения царей,—
Что пред тобою сонм богатырей?

И счастлив тот, кем сын рожден столь сильный,
Как ствол смоковницы плодообильной!

Не дрогнет осеняемый тобой
Пред жизненной опасностью любой.

Ты так напоминаешь мне Зарира—
Льва, полководца, свет и славу мира!"

И отвечал Рустам: „Эй, пахлаван,
Властитель многомудрый, Руинтан!

Одно желанье я, мой шах, имею,
Надежду, чтоб оно сбылось, лелею.

Хочу, чтоб ты мне сердце озарил,
Хочу, чтоб гостем ты в мой дом вступил.

Уже для пира убраны палаты.
Мы угостить сумеем, чем богаты".

И отвечал Рустаму сын царей:
„О муж, затмивший сонм богатырей!"

Свет и отрада городов Ирана,
Твой меч—ограда городов Ирана.

Как от твоей я просьбы отвернусь,
Когда в твоих владеньях нахожусь?

Но воли, что изрёк властитель славный,
Ни тайно не ослушаюсь, ни явно.

В Забуле отдыхать он не велел,
Раздора затевать он не велел.

Великий! Дело мудрости твоя,
Исполни волю грозного царя!

Сам свои ноги в кандалы забей,
Не устыдись цепей царя царей!

Когда увидит шах тебя в оковах,
Он не избегнет мук души суровых.

От тех цепей дух изболелся мой!
Вот я слугой стою перед тобой!

Клянусь я всем, что во вселенной свято:
В цепях не будешь ты и до заката!

О, не тревожься о своей судьбе,
Зла мой отец не сделает тебе.

Шах обещал мне трон кости слоновой,
Корону, власть! Не лживо это слово!

Когда венец приму, я пополам
Мир поделю—тебе полмира дам!

Пред богом мне греха тогда не будет,
И перед шахом мне стыда не будет!

Когда ж в садах распустятся цветы,
Домой в Забулистан вернёшься ты.

И столь сокровищ увезёшь с собой,
Что, словно рай, ты край украсишь свой!

И отвечал Рустам: „О величавый!
Я век молил творца надзвёздной славы,

Чтоб встречу мне с тобой он даровал,
Чтоб я от слов твоих возликовал.

Так сходны мы—хоть вечер я, ты—утро:
Ведь духом гордые—мы сердцем мудры.

Одно лишь страшно—колдовство врагов.
Боюсь, оно лишит нас мирных снов.

Боюсь, что между нами див пройдет,
За трон и власть с пути тебя собьет.

Срам для меня теперь от слов твоих!
Пока я жив—не позабуду их,

Что мудрый шах, величьем осиянный,
Мой долгожданный шах, многожеланный

Не сядет за столом простым моим,
Не будет гостем дорогим моим.

Но если ты стезю вражды оставишь
И дива злобы темного раздавишь,

Твоею речью скорбь я утишу,
Все, что ни повелишь, я совершу.

Но лишь не цепи! Цепи—унижение,
Позор в них, злодеяний зарождение.

И я, пока не превратился в прах,
Я никогда не буду в кандалах!

Исфандиор Рустаму отвечал:

„О пахлаван, всю правду ты сказал.

Уста таких богатырей, как ты,
От слов кривых и лжи всегда чисты.

Но подтвердит Пшутан царя велье,
Владыки мира волеизъявление.

Сказал: „С Рустамом твёрдой будь скалой,
„Одно из двух—оковы или бой!“

И если гостем в дом к тебе войду я,
В пирах, в весельи время проведу я,

Приказ царя забыв хоть на полдня,
Знай: „свет дневной померкает для меня!“

А если я за чашей пировою
В бой, как свирепый тигр, вступлю с тобою,

Забуду цену хлебу твоему—
Глаз от стыда потом не подыму.

А коль забуду шахское велье—
Мне место уготовано в геенне.

Сегодня выпьем мы с тобой вина,
Трапеза нам сегодня не нужна.

День завтрашний непостижим для взора,
О нём вести не стоит разговора“.

— „Да будет так!“—Рустам сказал ему.
„Пойду, кафтан охотничий сниму.

На край степей с охотой залетел я,
Онагров диких, не барашков, ел я.

Как сядешь ты за стол, дай знать в мой дом,
Чтоб я тебя приветствовал вином!“

И сел на Рахша, сердцем утомлённый,
Уехал, тяжко в думы погружённый,

Достиг дворца. И сына встретил там
Внук Наримана—Заль Достони-Сам...

Сказал Рустам: „Вот я у шаха был,
Бронзовотелого я посетил.

Тот воин строен, словно кипарис,
Он—будто солнце! Всяк пред ним склонись.

Сказал бы ты, что Феридун великий
Возник в его могуществе и лике.

Он полн величия царя царей.
Он несказанен в мудрости своей!“

Исфандиор в раздумье одиноком
Меж тем сидел в шатре своем высоком.

И вот Пшутан предстал пред шахским оком—
Путеводитель мудрый, данный роком.

Сказал Исфандиор: „Взялись мы тут
За неприятный и тяжелый труд.

Мне незачем итти к Достони-Саму,
И незачем итти ко мне Рустаму.

И он гонца напрасно будет ждать.
Сам не придет—его не стану звать“.

Сказал Пшутан: „О витязь величавый,
Царь, озарённый лучезарной славой!

Клянусь, когда увидел вместе вас,
Я думал—счастья наступает час!

И расцвела весна в душе моей
При виде двух таких богатырей.

Когда ж взглянул я глубже в ваше дело—
Вся кровь моя от горечи вскипела.

Велик ты—дело правое творя,—
Служа веленьям бога и царя.

Но здесь, о властелин, остерегись.
Послушай брата, с сердцем не борись!

Не спорь с Рустамом—дышит вечность в нем,
Величье в нем и человечность в нем!

Оковы не коснутся ног его.
Он в мире не страшится никого.

Не дрогнет он пред силою твоею
И под ошейник не подставит шею.

Боюсь, далеко спор у вас зайдет,
К вражде, к беде достойных приведет.

Ты мудр душой, могуч, бросаюсь в бой,
Сам шах великий мал перед тобой...

Тот хочет пира—этот жаждет мести.
Так кто ж достоин похвалы и чести?"

И отвечал глава богатырей:
„Когда ослушаюсь царя царей,

Презрение покроет жизнь мою.
Умру—в стыде приду пред судию!

Я двух миров своих не продаю,
Иглой я глаз и сердца не зашью“.

Сказал Пшутан: „Я лишь совет даю.
Он спас бы душу светлую твою!

Добро иль зло—сам избирай великий.
И пусть меня минует гнев владыки!“

Стол Руинтан готовить приказал,
Рустама же—не вспомнил, не позвал.

Когда ж раздался звон заздравных чаш,
Речь богатырь завел про Руиндаж.

Вновь о победе вспомнил он своей
И выпил здравие царя царей...

Но в ожиданьи, обещанье помня,
Седой Рустам сидел на башне темной...

Уже закат померк и почернел.
И долго на дорогу он глядел...

Уже трапезы время миновало.
И ждать неумоготу Рустаму стало.

Сказал смеясь: „Эй брат! Стол накрывай,
Стол накрывай, дружину созывай!

И коль обычай ввел Исфандиор,
Что пить со мною для него позор,

И если так нарушил обещанье
Недобрым будет дела увенчанье..."

Накрыли стол. Домашние сошлись.
Поели молча. Молча поднялись.

Когда ж Рустам из-за трапезы встал,
Он Фаромарза верного призвал

И приказал, чтоб Рахша он седлал,
Чтоб шелком и парчей коня убрал.

— „Поеду, встречу вновь с Исфандиором,
Правдивым уязвлю его укором.

Спрошу его: „Ты шах иль нет, скажи?
Ты—шах? Так слово шахское держи!

Кто слова данного не совершит—
Путь благородства для того закрыт!“

ИСФАНДИОР ПРОСИТ ПРОЩЕНИЯ
У РУСТАМА

Встал в стременах Рустам железнотелый
И ржанье Рахша степью полетело.

И вновь, громадный—над Хирманд-рекой
Возник Рустам из темноты ночной.

А за рекою воины толпились
Смотрели, восхищались и дивились.

И толковали: „Только древний Сам
Таким был прежде, как теперь Рустам.

Смотри: он, как утёс, огромен станом!
А Рахш его сравним лишь с Ахриманом.

Убитого им грозного слона
Покрыла Нила темная волна...

Гуштасп, видать, рассудок потерял,
Что на Рустама сына он послал.

На гибель он послал богатыря,
Чтоб не отдать ему престол царя!

Стар, а сокровищ алчет и не знает,
Какое он сокровище теряет!“

Вступил Рустам в Исфандиоров стан,
И встал ему навстречу Руинтан.

Сказал Рустам: „Эй шах! Тобой закон,
Тобой обычай новый заведён!

Я гость твой званный. В чем моя вина,
Что гость не стоит твоего вина?

Все что скажу—запомни. Но и, споря,
Не горячись со старшим в разговоре.

Великим кажешься ты сам себе.
Мнишь—нет в подлунной равного тебе.

Ты, видно, ни моих великих сил,
Ни опыта еще не оценил.

Но вспомни: в мире знают все Рустама!
Я—светоч, озаривший дом Нейрама!

Мой грозный облик дива ужаснет,
Див, ужаснувшись, лапы обгрызет.

Когда встречали сильные в бою
Воинственность мою и мощь мою,

Все, не принявши боя, убегали,
Мечи и луки на поле бросали.

Таких, как муж Комус, подобных львам,
Богатырей связал я по рукам.

Таких царей, как чинского Хакана,
Я на скаку пленял петлей аркана.

Веками охранял я Кейев трон.
Моим мечом он в мире утвержден.

В том, что сказал Рустам, не сомневайся!
Превыше неба, шах, не возвышайся!

А я хочу согласия с тобой,
Чтоб вечен был престол высокий твой.

Я не желаю, чтобы царь прекрасный
Из-за меня теперь погиб напрасно!

Великий Сам был пращуром моим.
Львы в ужасе бежали перед ним.

Живая память в мире я о Саме...
Эй царь, первейший меж богатырями!

И я за подвиги прославлен был,—
Со злом я в мире дружбы не водил.

Я горы вынес тягот и трудов,
Вселенную очистил от врагов!

Хвала творцу, что та пора прошла,
И что судьба в предел мой привела

Тебя, мой шах прекрасный и счастливый,
Защита верных, мститель справедливый!"

Ответил, засмеявшись, Руинтан:
„О славный воин, мира пахлаван!

Вот ты обиделся. Но неужели
Ты не увидел в этом доброй цели,

Что я тебя на пир не пригласил?
День жаркий был и путь неблизкий был,

И я тебя тревожить побоялся!
И я решил—чтоб ты не обижался

Сам с извинением притти в твой дом
Назавтра с первым утренним лучом:

Увидеть думал все Нейрама племя,
Возрадоваться сердцем хоть на время,

Но на себя ты принял этот труд—
И счастлив я, что ты со мною тут!

Садись! Осушим чашу Кейянида,
И пусть навек забудется обида!

Он слева место гостю указал,
Дабы Рустам собрание украшал.

Гость молвил: „Место мне не подходит!
Там сяду я, где сердце пожелает!“

„Встань!“—Тут сказал Бахману Руинтан—
„Пусть сядет справа славный Тахамтан“.

Встал с трона сын любимый властелина,
От гнева на лице собрал морщины.

Когда его столь гневным увидал
Рустам—он сам таким же гневным стал.

Сказал царевичу: „Глаза открой!
Получше разгляди—кто я такой!

Ты в непомерной гордости своей,
Видать, забыл, эй царь богатырей,

Что я—Рустам! Воинственного Сама
Я—внук, я—правнук древнего Нейрама!

Тот Сам велик, как звёздный небосвод,
Он от Джамшида гордый род ведет!

Коль рядом места нет для нас с тобой,
То разум мой, дела мои—со мной.

С Кавусом, Сиавушем, Кей-Кубадам
И с Кей-Хусравом знаменитым рядом

Я сиживал, как равный, на пирах.
Так подобало при былых царях!“

И сыну приказал Исфандиор
Престол поставить, постелить ковер.

Сказал: „Садись, мой гость, с душой веселой!
Век буди здрав! Достоин ты престола!“

И сел Рустам на ложе золотое.
С плодом в руке, но с гневною душою,

Тогда сказал Рустаму Руинтан:
„Эй, львиносердый мира пахлавани!

Я слышал от мобедов-стариков,
От мудрецов—познания отцов,

Что Заль—не благороден родом он,
Что он не Самом—дивом был рожден.

Сказали, будто день рожденья Заля
Днем светопреставления считали.

Так безобразен был, так черен был
Тот Заль, что сердце Сама сокрушил.

Как негр был черен, в белых волосах,
Внушал он отвращение и страх.

Сам приказал отнесть на взморье Заля,
Дабы орлы там Заля растерзали.

В тот день Симург над взморьем пролетал
И плачущего Заля увидал.

Взял в когти и унес на кручи скал,
Где выводок Симурга обитал.

Унёс в гнездо свое и бросил там
Его на расклевание птенцам.

Птенцы, разинув клювы, набежали,
Но испугались, Заля есть не стали,

Так он был мерзок и противен им.
Остался Заль несчастный невредим.

Хоть сам Симург был голоден, он тоже
Не тронул этой твари чернокожей.

И ползал Заль подле гнезда его,
Не радуя обличьем никого.

Он всеми презираемый копался
В объедках птицы. Падалью питался.

И по величью сердца своего
Симург бессмертный полюбил его.

Когда же тот несчастный Заль подрос,
Симург его домой, в Сейстан отнес.

И принял Сам его, как божий дар—
Был недомыслен Сам, и глуп, и стар.

Тогда доброжелатели цари,
Завоеватели богатыри,

Отцы отцов моих призрели Заля.
И много лет он прожил без печали.

Разросся и вознесся к небесам
Главой своей. А плод его—Рустам.

Так сила Заля в полый рост вошла.
Так слава Заля неба досягла!

Таким путем и стал он падишахом,
Так сделался надменным—бывший прахом!

Царей своих не слушается он.
Безумный произвол—его закон!

Где ж падал, что он ел? Чем вы гордитесь?
Что я скажу вам: „бога устыдитесь!“

Рустам ответил: „Если замолчишь,
То благо! Непотребно говоришь!

Душа твоя идет кривым путем,
Рой дивов в сердце мечется твоим!

Ты говори не по веленьям дива.
Да будет слово царское правдиво!

Отец твой—шах вселенной—знает сам
Откуда родом Заль—Достони-Сам!

А дед мой Сам—был сыном Наримана,
А Нариман пошел от Каримана,

От нас идет ваш царственный удел.
Не мы—никто бы знать вас не хотел!

С горы Альбурс Кубада в оны годы
Привёл, поставил я главой народа.

Когда б не я на трон его возвёл,
Ни войска б он, ни славы не обрёл.

Наверно, слышал ты молву о Саме—
Нет равного ему под небесами.

Жил древле в Тусе Аждахо-дракон.
Как божья кара, был страшен он.

Его дыханья огненная сила
В горах гранит утёсов растопила.

Сжигала рыб—глубин морских жилищ,
За тучей опаляла крылья птиц.

Он целиком проглатывал слона.
Доныне мысль одна о нем страшна!

Был также диз—огромный, грозный, злой,
До облак досягавший головой.

Не ведал мир такого исполина.
Ему по пояс было море Чина.

Китов он в море лапою хватал,
На купол месяца потом бросал.

Под солнцем жарил их и пожирал.
Круг небосвода от него рыдал.

В бой с чудищами этими вступил
Сам—богатырь, мечом их истребил!

А мать моя Мехраба дочь была,²
С которым слава Синда расцвела.

Мехраб был правнук грозного Заххока,
И в мире трон его стоял высоко.

Где, у кого есть столь же славный род?
Ответь! От правды мудрый не уйдет!

Отваге у меня богатыри
Учились, силу черпали цари.

Мы вспомним Кей-Кавуса век далекий,
Дабы не пало на меня упрека.

И время Кей-Хусрава мы возьмем—
Кто из царей сравнится с тем царём?

Царей неправых мощь я сокрушил,
Законы правды в мире утвердил.

Когда Аму я перешел глубины,
Афросиаб бежал в ущелья Чина.

Когда Кавус пошел в Мазандарон—
Ты помнишь—к диву в плен попался он!

Див беспощадный ослепил его,
В мученьях тяжких истомил его.

Я ночью прискакал в Мазандарон—
Огромный за ночь сделал перегон.

Аржанга я жестокого убил,
Мечом Диви-Сафеда поразил..

Из-за отцов твоих, из-за царей—
Дитя своё убил рукой своей!

Кто был так храбр, как мой Сухраб? Кто был
Так мужествен?—И я его убил!..

Наверное, прошло шесть сотен лет
С тех пор, как появился я на свет.

Богатырем славнейшим во вселенной
Шесть сотен лет я звался неизменно.

И все, что явно, все, что сокровенно,
От юных лет я сохранил нетленно.

Так было: Феридун великий жил—
Я на него корону возложил!

Заххока трон и семя сокрушил,
Его венец и темя сокрушил!

И Саму, что начало всем нам дал,
Который камнем знания обладал.

И трем царям потом еще служил,
От бед и от врагов их защитил!

Все доверялись моему мечу.
Я тех счастливых, лет не ворочу!

Был радостным я, жил с душой веселой,
С мечом моим и с булавой тяжёлой

Великое тебе я говорю—
Над станом гордых светлому царю.

Ты молод, шах, хоть величавой славой
Ты озарён, хоть равен Кей-Хусраву!

Ты пред Рустамом возгордился, шах!
Не сведущ в сокровенных ты делах!

Ну, говорили много! Изопьем
Вина! Унынья дух вином уьем!"

ВОСХВАЛЕНИЕ ИСФАНДИОРОМ
СВОЕГО РОДА

Умолк Рустам. Исфандиор поднялся,
И как апрель прекрасный рассмеялся.

От тех речей Рустамовых огнем
Он запылал. Вскипело сердце в нем.

Сказал: „О битвах и трудах твоих
Внимал я жалобам в словах твоих.

Теперь послушай о моих делах.
Как я надменных растоптал во прах.

Все помнят, как во имя веры правой
Меч на Арджаспа поднял я со славой.

Язычников в Иране истребил,
Лицо земли их трупами покрыл.

Мой от Гуштаспа благородный род,
Гуштасп же от Лохраспа род ведет.

Овранди-шах—Лохраспа был отец,
Прославлен в мире был его венец.

Овранд же был от Кей-Пашина родом,
А Кей-Пашин рожден был Кей-Кубодом,

Чей выше звезд стоял великий трон,
Кто был так щедро небом одарен!

И так до Феридуна мы дойдем—
Он древа Кейев древним был стволом.

Мой дед по матери—Кайсар великий—
Румийских стран и западных владыка.

А царь Кайсар от Сальма род ведет.
Могучий это, справедливый род.

Сальм-властелин был Феридуна сыном
Он двух ветвей началом был единым.

Ты у царей—отцов моих счастливых,
Вели их, мудрых и благочествых,

Ты был их уважаемым слугой,
Тем не хочу гордиться пред тобой!

Царями трон тебе дарован твой,
Хоть ты царям и зло творил порой.

Внимание словам моим яви!
А ложное скажу—останови!

С тех пор, как дед возвел отца на трон,
Я был бронею браней облачен:

Я воевал с врагами правой веры,
Побил неверных без числа и меры.

Когда ж Гуразмом я оболган был
И в заточеньи горьком дни влачил—

Враги покрыли снова лик земли,
Царю Лохраспу гибель принесли.

Тогда Гуштасп—несчастьем уstraшен—
Послал Джамаспа в крепость Гумбадон.

Когда Джамасп меня в цепях увидел,
Не слезы—кровь в моих глазах увидел.

С собой привел он много кузнецов,
Освободить мне руки от оков.

Разгневался я, страшно закричал
На них, гремя цепями, с места встал.

Руками сам ошейник свой сломал,
Поверг столбы и цепи разорвал.

Сел на коня. И конь меня помчал
Туда, где шах мой счастье потерял.

И от меня бежал, покинув стан,
Хакан Турана—лев и пахлаван:

Облекшись панцырем железнобронным,
Погнался я за тигром разъяренным.

Семь подвигов тогда я совершил.
Не львы—там Ахриман ужасный был.

Я стены Руиндажа сокрушил,
Не войско—целый мир я истребил.

И то, что там мои свершили руки,
Что вынес я—все тяготы и муки—

Столь не терпел онагр, голодным львом
В пустыне раздираемый живьем!

Столь мук акула не переносила
В тот час, как крюк смертельный, проглотила!

Был медностенный замок на скале,
Тонувший в облаках, небесной мгле,

Гурд, Феридун и Тур земель владели,
Но этой крепости не одолели.

Оплот язычников на кручах скал...
А я пришел—их ужас обуял.

Я взял тот грозный замок на вершине,
Разбил кумиров в капище твердыни.

Огонь Зардушта там зажег святой,
Что в кувшине скудельном был со мной.

Нигде врагов Ирана не осталось.
В кумирнях ни брахмана не осталось.

С победою и славой в стан отца
Я воротился с помощью творца.

Я львов в единоборстве побеждал,
Я помощи ничьей в бою не знал.

Но, вижу, затянулись речи наши.
Вина ты жаждешь—так подыдем чаши!"

ВОСХВАЛЕНИЕ РУСТАМОМ СВОЕГО МОГУЩЕСТВА

— Деянья наши,—вымолвил Рустам,—
Бессмертным станут памятником нам.

Будь благосклонен и послушай слово
Бывалого богатыря седого!

Когда б я не пошел в Мазандарон,
Тяжелой булавой вооружён,

Где в кандалах томился Кей-Кавус
И с ним слепые—Гив, Гударз и Тус—

Кто б положил конец их тяжкой муке!
Кто б на Диви-Сафеда* поднял руки?

* Д и в и - С а ф е д — Белый див. Страшный дракон, которого
победил Рустам.

Где б Ковус-Кей спасение обрел?
Кто б на престол царей его возвел?

Я от цепей его освободил,
Царя царей Ирану возвратил.

Главы врагов я отрывал от тел.
Не саван их тела—а прах одел.

Мне друг в боях—мой Рахш огненная рысь,
А старый меч мой щедр был на удары.

Когда ж Ковус пошел в Хамоварон—
В неволю там опять попался он.

Привёл тогда я войско из Ирана,—
Со мною шли вожди и пахлаваны.

Я знаменитого богатыря
Поверг в единоборстве—их царя!

Свободу я Ковусу даровал,
С Гударза, Гива, Туса цепи снял.

Тогда Афросиаб, воитель смелый,
Привёл войска в иранские пределы.

Страной и троном шахов завладел,
И я на бой с могучим полетел.

Когда скакал я под ночью тьмою,
Душою к бою рвался—не к покою!

Когда ж Афросиаб, туранский шах,
Узнал вдали сверкающий мой стяг,

Когда он ржанье Рахша услышал,
Все бросил и в смятении в Чин бежал.

Когда бы Кей-Кавуса я не спас—
И Сиавуша не было б у вас!

И Кей-Хусрав бы не был порожден—
А он Лохраспу дал венец и трон...

Эй гурд*! Вот я большую прожил жизнь.
На разум мой, на опыт положишь,

В соображение молодость свою
Прими, хоть равных нет тебе в бою.

Не верь отцу, хоть трон его прославлен.
Им разума и правды путь оставлен,

Дурным путем взял от отца он трон,
И с троном тем да будет проклят он!

Лохрасп же от бесчестья и позора
Ушел, к престолу бога поднял взоры,

* Гурд—богатырь.

Увидел: в сыне—злоба и вражда,
Лик отвратил от скверны и стыда.

Потом пошел Гуштасп в Забул далекий,
Лохрасп остался в Балхе—одиноким.

Туранский тигр тогда на Балх напал,
Беспомощного старца растерзал,

Но тот, кто мог предать отца святыню,
Тот будет ли заботиться о сыне?

Тебя он затанул подпругой зла,
Тюками зла навьючил, как осла.

Как вижу я—боится он тебя
И погубить стремится он тебя,

Чтоб ты не стал на место самодержца.
Гуштасп увяз в грязи стопами сердца!

Не видит и во сне отец твой шах,
Чтоб ты меня привел к нему в цепях.

Одумайся, о сын мой! Не спеши!
Гуштасп, отец твой,—враг твоей души!

Чтоб не отдать тебе венец и трон,
Гляди, тебе готовит гибель он.

Пусть он свой трон с короной золотою,
И власть, и славу в ад возьмёт с собою—

Он—сына ненавидящий отец!
И пусть бесславный встретит он конец.

Теряет из-за козней сына он.
Как хищник он быть должен истреблен.

Да будет Заль тебе отцом другим,
Рустам да будет братом дорогим!

В Иране, в Чине я тебя царем
Поставлю этой дланью и мечом!

Когда ж сковать меня ты вздумал, шах,
Корысти не найдешь ты в тех цепях.

Стрелу пушу в бою, и той стрелой
Пришью я землю к тверди голубой.

Был я великим, счёт терял победам,
Когда Лохрасп был никому неведом.

Имел я эти земли, этот дом,
Когда Гуштасп был в Руме кузнецом.

Был молод я, а ныне—в седилах,
Ни слова не слыхал я о цепях.

„Иди! Свяжи Рустама!“—Кто так скажет?
Мне сам творец вселенной рук не свяжет!

Вот в оправданиях унижаюсь я,
Речей довольно! Щит мой—честь моя!

И рассмеялся Руинтан и встал,
И за руку Рустама крепко взял.

„Эй, муж слоноподобный!“—он сказал.
„Все о тебе я прежде это знал!

Как львиное бедро—твоя рука,
А шея, как у аждаха*, крепка!“

И руку старцу сжал Исфандиор,
С улыбкой продолжая разговор.

Так сжал он руку, что кровавый сок
Из-под ногтей Рустамовых потек.

Не дрогнул Тахамтан. И руку сжал
Исфандиорову. И так сказал:

* А ж д а х о—дракон.

„Блажен Гуштасп, что царством царств владеет,
Что сына столь прекрасного имеет!

Четырежды блажен могучий род
Чьей ветви слава в мире не умрет!

Так говоря, сжимал он руку, бровью
Наморщась от усилий. Черной кровью

Рука у Руинтана налилась.
Но тот не дрогнул и сказал смеясь:

„Эй, гурд! Сегодня пить со мною будешь!
А завтра утром о пирах забудешь!

Как завтра утром стану в стремяна,
Надену шлем, броню на рамена,

Собью тебя копьем со скакуна—
В ум не пойдет тогда тебе война!

Верёвкой руки я тебе свяжу
И к шаху приведу, и так скажу:

„Вот он! Но я вины на нем не знаю!“
Избавлю от страданий, оправдаю.

И ты домой со славою пойдешь—
Добро, богатство, счастье обретишь!“

И весело Рустам захохотал:
„Сыт завтра будешь битвой!“ — отвечал.

„Скажи, ты где привык к мужскому бою,
С моею не встречавшись булавою,

Когда я закручу ее смерчом?
С моим арканом, луком и мечом?

Но если завтра так судьба устроит,
Лицо любви от нас она закроет,

И будет кровь на пир принесена,
И злоба, вместо красного вина,

Мы руд* заменим барабаном ярым,
Мы грудь и плечи обречем ударам.

И ты познаешь, что такое бой,
И мощь мужская, и удар мужской!

Как соберусь я завтра, выйду к бою,
Как обхвачу в бою тебя рукою,

И подыму тебя я над седлом,
И в плен возьму, и отвезу в свой дом.

* Руд — музыкальный инструмент.

На трон кости слоновой посажу,
Корону на тебя я возложу,

Что дал мне Кей-Кубод, великий шах,
А он да возликует в небесах!

Я дверь моих сокровищниц открою,
Казну свою отвергну пред тобою,

Дам все, что нужно войску твоему,
До вечных звезд венец твой подыму!

И радостный пойду с тобой к царю,
Уста пред ним и сердце отворю.

Покорства полный — я приду ко трону,
Тебе вручу престол твой и корону.

И препояшу стан для службы вам,
Как древле я служил моим царям.

Все сорняки в посеве прополю,
Отрадой светлой сердце обновлю.

Коль шахом станешь ты, а я — слугою,
Кто в мире устоит перед тобою?”

РУСТАМ И ИСФАНДИОР
ПЬЮТ ВИНО

И дал Исфандиор такой ответ:

„Для дела в многоречьи нужды нет!

Вот день прошёл и пал полночный мрак!

Что толку, гость мой, спорить натошак?

Довольно спорить! Будем пить и есть.

Всё подавайте, что в запасе есть!“

И удивились, кто сидели там,

Когда великий начал есть Рустам.

Барашков жареных со всех сторон

Ему подкладывали. Всё съел он!

Осталась лишь гора костей на блюде,

И изумились Тахамтану люди.

Вот в чаше золотой принесено

Рубиновое старое вино.

Сказал хозяин: „Пусть вино развяжет

Ему язык. Услышим, что он скажет,

Чем Кей-Ковуса старый помянет,

Когда такую чару изопьёт?“

И гость за Кейев осушил до дна
Источник темнокрасного вина.

И вновь румяный кравчий, стройный станом,
Наполнил чашу ту пред Тахамтаном.

Рустам ему сказал: „Зачем водой
Вино разводишь, кравчий молодой?

Лей воду завтра, друг! А за столом
У шаха чистым угощай вином!“

„Дай без воды вина!“—Пшутан сказал:

— „Чтоб гость любимый наш доволен стал!“

И шах был от Рустама в восхищеньи,
Потребовал он музыки и пенья.

И гостя лик под инеем кудрей
Горел зари рассветной розовой.

Сказал хозяин: „О, вселенной диво,
Покуда мир стоит—живи счастливо!

Да будет всё подвластное судьбе,
Отец, на утешение тебе!“

Гость молвил: „Пусть твой век счастливым будет!
Пусть ум твой светлый справедливым будет!“

Я радуюсь, что пил с тобой вино—
Омолодило душу мне оно!

Когда ж вражду изгнать из сердца сможешь,
Свое величье ты стократ умножишь!

Почти мой дом присутствием своим,
О царь! Будь гостем дорогим моим!

Да властвуют в твоих со мной делах
Любовь и разум, мой прекрасный шах!

Со мною поохоться, отдохни,
Зло отгони, к добру свой ум склони“.

И отвечал Рустаму Руинтан:
„Не сей семян бесплодных, пахлаван!

Увидишь вявь ты завтра мощь мою,
Когда с тобой мы встретимся в бою!

Забудь про мир, помысли о войне,
О завтрашнем побеспокойся дне!

Увидишь, что на поле боевом
Таков же буду я как за вином!

Не устоишь ты предо мной, гляди!
Эй, лев, на бой со мной не выходи!

Поймешь ты, встретишься с булавой моей,
Что мощь моя речей моих сильнее!

Послушай, мудрый, дружеского слова—
Дай сам теперь согласие на оковы!

Когда ж со мной к царю царей придешь,
И дня, поверь, в цепях не проведешь“.

Дух светлый омрачился у Рустама,
Весь мир в очах затмился у Рустама:

„Связать себя позволю иль его
Убью—лишусь я счастья своего!

И то и это низко и презренно,
Позор мне вечный будет во вселенной..

Убью царя—свой дух живой убью.
А цепи? Цепи честь убьют мою...

Спор будет обо мне тысячелетний,
Позорные пройдут по свету сплетни,

Что с молодым Рустам не совладал..
Что молодой пришел, его связал...

И во вселенной все меня осудят,
И доброй славы обо мне не будет..

А если шаха я убью в бою—
Живую душу погублю свою.

И скажет мир: „Вот, за одно лишь слово
Убил он властелина молодого!“

И тот позор не будет искуплен
Ничем!... Злодеем—буду наречен.

А если завтра он меня убьет,
Забуд погибнет, и Кабул падет,

Достони-Сама истребится род,
И осмеёт, забудет нас народ...

Нет! Все ж хоть отблеск памяти моей,
Я верю, не умрет в сердцах людей!“

И отвечал: „О царь, прекрасноокий!
От слов твоих мои желтеют щеки.

Как говоришь ты много о цепях!
Беды тебе от них боюсь я, шах!

Твой разум духи зла заполонили
И от дороги правды отвратили.

Ты сердцем чист и полон простоты.
Боюсь: коварства жертвой будешь ты!

Гуштасп, отец твой стал подобьем дива,
Знать, не насытился судьбой счастливой..

Дела такие совершать велит,
Где гибель и сильнейшему грозит...

Говяет сына по земному миру,
Ум на тебя он точит, как секиру.

Он ищет: есть ли в мире муж такой,
Который устоит в бою с тобой

И поразит тебя рукой тяжелой.
Короны жаль ему и жаль престола!

Но тот, чье сердце зла стезей пошло,
Того и самого постигнет зло!

Зачем же в скорбь меня ты повергаешь,
Ума к словам правдивым не склоняешь?

Одумайся же! От вражды уйди,
Корысти от несчастья не жди!

Ты утрашишь творца на небесах!
Ты устыдишь моих седин, о шах!

Непоправимого не совершай,
Печалью нам сердца не сокрушай!

Мы не нуждаемся с тобой в войне,
Нет у тебя в душе вражды ко мне!

Ты послан волею—судьбы сильней,
Дабы погиб ты от руки моей.

Пусть род людской Рустама проклянет,
Но на Гуштаспа этот грех падет.

Внял гордый Руинтан его словам
И молвил: „Эй, прославленный Рустам!

Как много ты хитрил, какой туман
Нагнал ты, чтобы сбросить мой аркан!

Сейчас в свой дом ты воротись добром.
Что слышал здесь, открой в дому своём,

И приготовь свое оружие к бою!
Что дело нам затягивать с тобою?

Как встретимся мы завтра на конях,
Мир почернеет у тебя в глазах!

Узнаешь ты, что значит муж в бою,
Когда он поднял меч за честь свою“.

Сказал Рустам: „Эй, ненасытный славой!
Коль так ты рвешься на майдан кровавый,

Тебя я под копыта повалю,
От гордости железом исцелю.

Я знаю: есть в народе разговор,
Что, мол, неуязвим Исфандиор,

Что у него, мол, бронзовое тело—
Не ранят, мол, его ни меч, ни стрелы.

Как меч в руке увидишь у меня,
Услышишь ржанье моего коня,

Потом уже ни с кем не сможешь боле
Искать сраженья ты на ратном поле“.

Смех по Исфандиоровым устам
Скользнул, когда закончил речь Рустам.

Сказал Исфандиор: „Эй, муж победы,
Как быстро ты вспылал из-за беседы!

Подумай: поутру в рассветный час
Не спор застольный ожидает нас.

Я не гора, мой конь не схож с горой,
Один, без войска, выйду я на бой!

Не будет грудь моя от стрел укрыта,
Один великий бог—моя защита.

Застонет твой отец, коль булаву
Свою обрушу на твою главу.

А если не убью тебя в бою,
Тебе я руки в цепи закую,

Чтоб раб, что он есть раб, не забывал,
Чтоб с властелином распри не искал“.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РУСТАМА В СВОЙ ДВОРЕЦ

Гость вышел, полон думой, из шатра
И постоял, угрюмый, близ шатра,

Потом поехал... Долго вслед ему
Безмолвно Руинтан глядел во тьму.

Сказал Пшутану: „Было ль у кого
То мужество и мощь, как у него?

Где всадник был, где конь такой—не знаю!
Чем завтра кончится наш бой—не знаю!

Вот он стоит, как слон, на Ганг-горе
С оружием в бой он выйдет на заре...

Кто так прекрасен, так велик, как он?
Боюсь, погибнет, стрелами пронзен!

Я сердцем о судьбе его скорблю,
Но воли шаховой не преступлю!

Когда я завтра сотни стрел пущу,
День для него я в полночь превращу“.

Пшутан сказал: „Услышь, о брат мой, слово.
Твержу тебе,—не делай дела злого!

Я отступить от правды не могу.
И ныне пред тобою не солгу.

Не мучь его! Пока в нем сердце живо—
Не покорится свободолюбивый.

Сегодня спи, а завтра поутру
Без войск пойдем к Рустамову двору.

С добром и дружбой в дом к нему войдем,
И станет скорби день счастливым днем.

Прекрасна в мире жизнь его была,
Он совершал лишь добрые дела!

Он верен в обещаньях, чист душой,
И он исполнит твой приказ любой.

Зачем же распря с ним тебе и ссора?
Гони вражду от сердца, гнев от взора!“

Пшутану отвечал Исфандиор:
„Терн чёрный плети по садам простер„

Тому же, кто Зардушта прославляет,
Так говорить, о муж, не подобает!

Когда советник ты царей Ирана,
Слух и глаза богатырей Ирана.

Ты знаешь, что для верных нет пути,
Чтоб волю падишаха обойти.

Коль не исполню волю падишаха,
Закон Зардушта станет грудой праха.

Святой закон, который нам гласит:
„Изменнику геенна предстоит!“

Что ж ты, мудрец, ведешь меня в пучину?
Твердишь, чтоб изменил я властелину?

Но, друг, на малодушный твой совет
Я вместо „да“ тебе отвечу „нет“!

Когда боишься ты, что я умру—
Боязнь твою развею поутру.

Предел нам всем положен волей рока,
Ещё никто не умер прежде срока.

Увидишь завтра ты, как выйду в бой,
Что сделаю с акулой боевой!“

Печальный, отвечал Пшутан: „Эй, шах!
Ты лишь о битвах мыслишь и цепях.

Как див, ты гневом исступленным дышишь,
Ты слов путеводителя не слышишь.

Столь темной вижу я твою главу,
Что на себе одежды разорву!

Чем я тревоги пламень потушу?
Чем страх великий в сердце утишу?

Два мужа выйдут в битву, два слона.
Как знать, чья ляжет на землю спина?“

Царь не ответил брату ничего.
Скорбь—в сердце, гордость—в думах у него...

НАСТАВЛЕНИЯ ЗАЛЯ РУСТАМУ

В раздумьях тягостных Рустам домой
Вернулся, понял: неизбежен бой.

И по лицу Рустама Завора
Увидел, понял, что не ждать добра...

Сказал Рустам: „Индийский меч мой дай.
Шелом, кольчугу и оплечья дай.

Аркан и лук, кольчугу для коня,
Кафтан из шкуры тигра для меня“.

И Завора с хранителем в подвал
Сошел и все, что велено, достал.

Когда Рустам доспехи увидел—
Вздохнул он, головою покачал.

И молвил он: „О латы боевые,
Минувших битв свидетели живые!

Теперь—увы! Мы снова на войне...
Одеждой счастья снова станьте мне!

Едва ль ещё когда такой бедою
Ристалище дышало роковое.

Но поглядим, какую поутру
Исфандиор покажет нам игру“.

Когда Достон услышал слово сына,
Смутился он, сказал, склонив седины:

„Досель непобедимым был единый
Рустам. Но молодого исполина

Бронзовотелого—остерегись!
Дарами, щедрой данью откупись!

Домой пойдет он—в путь с ним снарядись.
На Рахша черногривого садись.

Ты правдой послужи Исфандиору,
Пока цареву не предстанешь взору.

А шах Гуштасп, увидевши тебя,
Зла не содеет, истину любя“.

Сказал Рустам: „Эй, мудрый, престарелый,
Напрасно счел ты легким наше дело!

Шесть сотен лет я прожил на земле
И разбираюсь я в добре и зле.

Чудовищ я убил Мазандарона.
Я войско истребил Хамоварона.

Хакан с войсками от меня бежал,
От чьих копыт несметных мир дрожал.

Мне ль пред Исфандиором отступать?
Мне ль истреблению дом отцов предать?

Я хоть и стар теперь, но в день войны
Повергну с небосклона диск луны.

Как шкурой тигра облачу я плечи—
Хоть сто слонов я встречу в поле сечи!

Без счета просьб я к шаху обращал,
Повиновенья свиток прочитал.

Советов мудрых слушать он не стал,
Он речь мою презренною считал.

Он, если б от Сатурна уклонил
Чело, весь мир бы счастьем одарил!

Ему б я отдал все, чем мы богаты:
Ни злата не жалел бы, ни булата.

В ответ на речь мою смеялся шах.
Остался ветер от речей в руках.

Коль в бой пойдем, за шаха ты не бойся,
Ты о душе его не беспокойся!

Его главы мечом я не сниму,
Я в сеть главу прекрасного возьму.

Я отверну узду от боя с ним,
Не поражу его копьем моим.

Я путь загорожу ему в бою,
Рукой его вокруг стана обовью.

Я обниму его и подниму
С седла, и, как царя, его приму!

Три дня он будет гостем у меня,
А на четвертый, на рассвете дня,

Когда покровы синего тумана
Откинёт солнца лик златорумяный,

Тогда я вновь покину дом Нейрама,
Слугой пойду с царем в предел Ирана,

Его на трон Гуштаспа посажу,
Ему венец на темя возложу.

Как я служил Хосрову, так я стану
Служить Исфандиору-Руинтану.

Как раб, я препояшусь перед ним,
Не буду занят я ничем иным.

Как Кей-Кубаду я служил, ты помнишь?
Все подвиги, что я свершил, ты помнишь?

А ты мне говорил, чтоб скрылся я,
Иль чтоб на цепи согласился я!"

И засмеялся Заль, и покачал
Сединами, и сыну отвечал:

„В словах твоих незрелых толку мало,
В них ни конца не видно, ни начала!

Лишь сумасшедшие словам твоим
Внемля, увы, возрадуются им!...

Кубада в скорби, на цепи глухой,
Без войск, без трона, без казны златой,

Не сравнивай с владычащим Ираном,
Царем вселенной, мира пахлаваном.

Не сравнивай с Исфандиором, сын,
Чье имя начертал на перстнях Чин.

Ты говоришь: „с седла его сниму,
В объятьях понесу, в свой дом возьму!“

Так скажет лишь юнец, объятый страстью.
Ты не кружись у врат звезды несчастья!

Вот все, что я подумал, ты узнай.
Эй, месяц наш! Теперь ты сам решаешь“...

Так Заль сказал, челом на землю пал,
Создателю миров хвалу воздал

И так молился: „О всевышний бог!
Нас от несчастных отведи дорог!

Даруй нам мир и правду, боже, силы!“
Молился он . . . И утро наступило.

БОЙ РУСТАМА С ИСФАНДИОРОМ

И встал, надел кольчугу Тахамтан.
Поверх кольчуги—тигровый кафтан.

Чело своё шеломом осеня,
Сел на слоноподобного коня.

И брату своему он приказал,
Чтоб воинство мужей он собирал.

Сказал: „Вооружи людей на брань.
Под тем холмом песчаным с ними стань“.

И Завора во мгле рассветной рани
Собрал мужей пред замком на майдане.

Гул пробежал по воинским рядам,
Когда предстал им Тахамтан-Рустам,

И возгласы: „без милости твоей
Ни сёдел пусть не будет, ни коней!“

И встал могучий над Хирманд-рекою
Угрюм лицом, с истерзанной душою.

И молвил брату: „Здесь с войсками стой.
Один я переделаюсь с судьбой.

Я кровью жажду дива утолю.
Дух омрачённый сталью просветлю.

Вот я на бой десницу подымаю,
Что ждёт нас в этой битве, я не знаю.

Коль встречусь я с врагом, подобным льву,
На помощь войска я не призову.

В единоборстве встречу я его—
Не затрудню из войска никого!

Лишь тот судьбою одарён счастливой,
Тот радостен — чьё сердце справедливо!“

Так он сказал и реку пересек
И на крутой другой поднялся брег.

И возгласил: „Эй, гурд! Вставай на бой!
Вот пред тобой стоит соперник твой!

Как услышал Исфандиор слова
Могучегривого седого льва,

Он засмеялся и сказал: „Готов!
Давно—едза от сна восстал—готов!“

Вооружился шапкою стальною
Копьём и быкоглавой булавою,

Грудь облачил кольчугой и бронёй,
Меч у бедра повесил боевой.

Вот подвели коня Исфандиору
Мсгучего, похожего на гору.

Уперся в землю Руинтан копьем
И на коня вскочил одним прыжком,

Подобно тигру, что в степи настигнет
Онагра и ему на спину прыгнет,

Как молния... В восторг пришли войска
От дивной ловкости его прыжка.

Поехал шах и пред собою прямо
На крутосклоне увидал—Рустама

На Рахше черногривом—одного,
Без свиты и без воинства его.

И так сказал Пшутану властелин:
„Вот он—один, и я пойду один.

Не подобает мне вдвоем с тобой
Против Рустама выходить на бой“.

И вот сошлись они . . . Сказал бы ты,
Что мир покрыло море темноты,

Так кони богатырские заржали,
Что скалы гор окрестных задрожали.

Сказал бы—радость в мире умерла,
Когда пора их встречи подошла!

И крикнул старый лев сребряногривый
Исфандиору: „Эй, мой царь счастливый!“

Ты не спеши на бой! Внемли сейчас
Старейшему ещё единый раз!

Когда ты ищешь крови и сраженья,
Военных бедствий, грома и смятенья,

Я воинство Забула подыму,
Я воинство Кабула подыму.

И ты своих иранцев позови,
Но жемчуг отделив от чешуи,

Людей подвергнем ранам и страданиям
Согласно царственным твоим желаньям!“

И отвечал опять Исфандиор:
„Зачем еще ненужный разговор?“

Зачем ты здесь с мечом и булавою?
Зачем меня ты спешно вызвал к бою?

Затем ли, чтоб словами обмануть?
Иль страшно под удар подставить грудь?

Мне незачем с Кабулом воевать,
И кровь моих иранцев проливать!

Противно это было б вере правой,
Несовместимо с богатырской славой,

Чтоб неповинных на смерть я послал
Себя ж, короной мира увенчал.

Я впереди везде, где смерть грозит,
Пусть даже с тигром битва предстоит.

Зови себе помощника! А мне
Помощника не нужно на войне.

В бою господь всевышний—спутник мой,
Судьба моя—стальной нагрудник мой.

Ты ищешь боя—я желаю боя,
В единоборстве встретимся с тобою!

Не нами—небом предрешен исход,
„Чей конь домой с пустым седлом уйдет“.

И у обоих в том согласье было,
Чтобы подмога к ним не приходила.

И в бой вступили, копьями скрестясь,
И кровь по их доспехам полилась.

И так на копьях яростно сшибались,
Что копья богатырские сломались!

Вот за мечи они тогда взялись.
И снова друг на друга понеслись.

Друг другу нанося за раной рану,
Они, крутясь, скакали по майдану.

Так их удары были горячи,
Что раздробились тяжкие мечи.

И сняли с крепких сёдел мужи славы
Свои быкоголовые булавы.

И были их удары, ты б сказал,
Как с гор летящий каменный обвал!

Так возжелали зла они друг другу,
Изранили тела они друг другу.

Сломались рукоятки их стальных
Булав. Пустыми стали руки их.

За кушаки они друг друга взяли.
Заржали, на дыбы их кони встали.

Один кушак в руке Рустама был,
Другой в руке у Руинтана был...

С какою страшной силой, посмотри,
За кушаки взялись богатыри!

Друг друга вырвать из седла хотели.
Ни тот и ни другой не одолели.

И разошлись, борьбы не завершив,
Угрюмые, коней перетомив,

Измученные. С пеною у ртов
Их скакунов смешались пыль и кровь.

ГИБЕЛЬ СЫНОВЕЙ ИСФАНДИОРА ОТ
РУКИ ЗАВОРА И ФАРОМАРЗА

Так долго длился бой, так долго в стан
Не возвращался с поля Тахамтан,

Что Завора решил войска привести.
У них—обида в сердце, в думах—месть.

Спросил иранцев: „Где Рустам? В такой
День не потребны отдых и покой!

Вот, чтоб на нас напасть, вы горделиво
Пришли сюда. В драконью пасть пришли вы!

Вы захотели руки нам связать?
Попробуйте! Что ж вам сидеть и ждать?*

Так Завора их тяжело оскорблял,
Так много злой хулы он им сказал,

Что закипел, не потерпел позора,
Один из сыновей Исфандиора.

Горел в нем бурно юношеский жар,
То был прекрасный отрок—Нушозар.

Но в ярости похож на льва он стал,
И гневные бросать слова он стал.

Сказал: Не знаешь ты, сагзи* презренный,
Что каждый, чтящий бога во вселенной,

Своей души гордыню сокрушит,
А волю падишаха совершит!

Не повелела воля та святая
Вступать нам в бой с собачьей вашей стаей!

* Сагзи—согдиец.

Достоинно пса, а не богатыря,
Ослушаться веления царя!

Но если вы на этот грех пойдете
И первые сражение начнете,

Узнаете, что значат когти льва
И что такое меч и булава!

И Завора воскликнул разъяренный:
„Кровавой увенчайте их короной!

Смерть им взамен короны золотой!“
И первый выехал пред ратный строй.

И поле брани кликом огласилось,
И кровью богатырской обагрилось.

И вышел Нушозар на вороном
Коне, с индийским огненным мечом.

И выступил со стороны другой
Отважный, славный пахлаван Алвой.

И обнажил прекрасный Нушозар
Свой меч души разящий дар.

Взмахнул мечом, ударил. Отлетела
Глава Алвой. И скатилось тело

Его с седла. Но Завора тогда
Приблизился, как гибели звезда,

На вздыбленном коне. Вскричал: „Постой,
Царевич мой! Не воин был Алвой!“

Он сына шаха поразил в чело
Копьем. И тело шаха в прах легло.

Когда царевича копье сразило,
Войскам Ирана счастье изменило.

И вышел мстить за брата Мехринуш,
Исфандиора сын—отважный муж.

Скакал он с пеной гнева на устах,
С кровавыми слезами на щеках.

И Фаромарз к нему на поле сечи
С мечом индийским выехал навстречу.

Как слон по виду был огромен он,
Неудержим в бою, как пьяный слон.

Вот сшиблись, львиной яростью горя,
Рустама сын и юный сын царя.

С клинков скрещенных искры полетели,
И кликом воинств дали загремели.

Но хоть в бою был шахский сын жесток,
Сравниться с Фаромарзом он не мог.

Когда занес он свой индийский меч,
Чтоб Фаромарзу голову отсечь,

Неловко меч сразмаху опустил—
Коня он под собою зарубил

И пешим стал он, и, лишён защиты,
Сраженный пал под конские копыта

На камень, кровью алою политый...
И вот Бахман, увидев, что убиты

Два брата, поскакал во весь опор
Туда, где битву вёл Исфандиор.

И закричал: „Эй, прозорливый мой
Отец! Властитель справедливый мой!“

На нас Рустама воинство напало—
И сыновей твоих двоих не стало!

В страданиях померк их жизни свет.
Нет Нушозара, Мехринуша нет.

Убили их! Лежат они в пыли,
Пока ты бьешься здесь от нас, вдали!

Вот причинен, увы, неизгладимый
Позор нам всем, о наш отец любимый!

Гнев горький сердце шахское пронзил,
Рот искривил он, слёзы изронил.

Сказал Рустаму: „Эй, отродье дива!
Зачем свернул ты со стези правдивой?“

Что войско приведешь—ты не сказал!
Ты честь свою отныне потерял!

Гляжу, ты ни позора не страшишься,
Ни дня суда, ни бога не боишься!

Забыл, что нарушающим обет—
В душе народа уваженья нет!

Сагзи двух сыновей моих убили!
Предательски детей моих убили!“

Затрепетал, как на ветру листва,
Рустам, услышав страшные слова.

Поклялся он мечом и полем боя,
И солнцем, и своею сединою.

Сказал: „Клянусь, я ничего не знал!
Я в бой вступать войскам не приказал.“

Я руки брата своего свяжу—
Он был зачинщиком, как я гляжу.

И Фаромарза—сына своего
Свяжу и приведу к тебе его.

А ты, мой шах, обоих их убей!
За дорогих детей твоих—убей!“

Шах молвил: „Кровь змеи за кровь павлина
Пролить, раба убить за властелина—

То было б мерзко совести моей,
Священному достоинству царей!

А ты, порочный, о себе подумай!
Ты, лживый, о своей судьбе подумай!

Твои я ноги стрелами с конём
Соединю, как воду с молоком.

Чтоб ни единый раб не смел потом
На властелина выходить с мечом.

Живой останешься в лучном бою—
Тебе я руки в цепи закую.

А поражу тебя стрелой, ну что ж,
За милых сыновей моих умрёшь!“

Рустам ответил: „От таких речей—
Лишь чести умаление твоей“.

БЕГСТВО РУСТАМА НА ГОРУ

Они достали бронзовые луки,
Простерли к стрелам тополёвым руки

И вылетало пламя, где стрела
Кольчугу к телу пригвоздить могла.

Нахмурилось лицо Исфандиора,
Тьмой ненависти омрачились взоры.

И солнца лик в смятении побелел
От посвиста его жестоких стрел,

От стрел, пером орлиным окрыленных,
Алмазом, не железом, заострённых.

В бою не ведал промаха стрелок—
Никто от рук его спастись не мог.

И только начал посылать он стрелы,
Изранил Рахша и Рустама тело.

Но ни одна Рустамова стрела
Царапины ему не нанесла.

Рустама ж ни одно не миновало
Исфандиором пущенное жало.

Отчаялся, последнюю свою
Надежду потерял Рустам в бою.

Бой продолжать был Тахамтан не в силе,
Изнурены и конь, и всадник были.

И в первый раз за весь свой славный век
Он к выходу последнему прибег.

Быстрей, чем вихрь, Рустам с коня спустился
И на крутое взгорье устремился.

Ушел один домой скакун его,
Хозяина покинул своего.

А кровь из ран Рустамовых текла,
Вся содрогалась Бисутун-скала.

И засмеялся царь Исфандиор,
Увидев мужа славного позор.

Спросил: „Э, где ж твоя слоновья сила?
Что мощь твою железную сразило?“

Неужто стрел пернатых острия?
Где мужество, где булава твоя?

«Что ж убежал ты на гору, едва
Услышал издали рычанье льва?

«Неужто это ты—пред кем когда-то
Дракон заплакал, ужасом объятый?

«Так кто ж слона в лисицу превратил,
Десницу сильную укоротил?»

«Рахш, истекая кровью, той порой,
Понурия голову, приобрел домой,

«Обломки стрел неся в крутых боках,
С багровой пеною на удилах.

«Увидел Завора вдали коня
При свете угасающего дня.

«Увидел, что седло его пустое.
И с воплем поскакал на место боя.

«Всего в крови Рустама увидал—
Неперевязанного. И сказал:

«Рустам! На моего коня садись—
Ты на меня в отмщеньи положишься!»

«Сказал Рустам: „К Достону воротись,
Утратили мы славу, честь и жизнь...”

Пусть он изыщет, как бывало ране,
Чем исцелить от ран и от страданий

Меня и Рахша—моего коня.
Спасенье в том для вас и для меня.

И если в эту ночь я не умру,
Живым и здоровым встану поутру,

Ты скажешь: „Вновь на свет мой брат явился,
Могуч, как сотни лет назад, явился!

Поди, за Рахшем пригляди моим.
Коль буду жив—вернусь я вслед за ним!”

И Завора ушел... Исфандиор
Ждал и молчал, пока их разговор

Не кончился. Сказал: „Эй, знаменитый,
Кто ж ныне будет для тебя защитой?

Ты долго ль прстоишь на скалах там?
Бросай свой лук и покорись, Рустам!

Сними броню и тигровый кафтан,
От кушака освободи свой стан!

Добром связать твои мне руки дай!
Ты от меня вреда не ожидай!

В цепях тебя я к шаху отведу.
Тем отведу я от тебя беду.

А если рвешься в бой опять со мною,
Назначь—кому владеть твоей страной.

Пока ж покайся, старый человек,
В грехах, что совершил в столь долгий век!

Быть может примет бог тебя безгневно,
Когда ты мир покинешь пятидневный!

Рустам ответил: „Поздняя пора,
Темно. Ни зла содеять, ни добра.

Теперь вернись ты к войску своему.
До утра переждем ночную тьму!

И я пойду немного отдохну,
В дому своем ненадолго усну,

Отмою кровь, перевяжу я раны,
Всех близких созову в дому Нейрама,

Любимых—сына, брата и отца—
Честь и опору нашего дворца.

Предстану с ними пред тобой, великий,
На милость падишаха и владыки“.

И Руинтан ему ответил: „Эй!
Надменный муж, негодный кознодей!

Не только тем, что храбр, могуч и ловок,—
Ты знаменит и тысячей уловов.

Ясна с начала хитрость мне твоя,
Теперь твое паденье вижу я.

На эту ночь тебя я пощажу,
Что выдумашь завтра—погляжу!

Не вздумай вновь обманывать меня.
Иди теперь—до завтрашнего дня!“

„Исполню все,—ответил Тахамтан,—
А ныне обессилел я от ран“.

И долго шах на спину исполнина
Глядел, как тот пошел, склонив седины..

Как медленно реку переходил..
Меж тем Рустам у господ молил,

Чтоб исцелил его: „Коль я умру
От ран телесных завтра поутру,

Кто гордым за меня отмстит в бою?
Кто правду унаследует мою?“

Когда он, как корабль, струи потока
Рассек и поднялся на брег высокий,

Исфандиор сказал ему во след:
„Таких людей еще не видел свет!

Нет! То не муж нам ныне предстоящий—
То слон могучий, ужас наводящий!

Его таким всевышний сотворил,
Он землю им и время озарил“.

Когда же возвратился в свой шатер,
Услышал вопль и стон Исфандиор.

Увидел сыновей своих убитых,
Омытых, царским пурпуром покрытых.

Шах разодрал одежды, снял стальной
Свой шлем, осыпал голову землей,

Пред мертвыми колени преклонил,
Главы их на колени положил.

И, плача, говорил: „Неужто вы
Мертвы, мои любимые? Увы!...

„Куда ушли вы от юдоли сей?“
И встал, сказал Пшутану: „Слѣз не лей!

Над невозвратным—что рыдать напрасно?
Сердца свои зачем терзать напрасно?

Все—стар и млад—подвластны смерти мы,
Пусть разум нас ведет пред ликом тьмы!“

И в золотой табут * он положил их—
Детей своих. К Гуштаспу проводил их

И написал отцу: „Возрос твой сад,
И ветви дум твоих плодоносят.

На волны ты спустил корабль упрямый,
Потребовал покорства у Рустама.

И нет в живых двоих сынов моих.
Но ты не плачь, в табуте видя их.

Крепки бока быка Исфандиора,
А день грядущий наш сокрыт от взора“..

И скорбный сел Исфандиор на трон—
И все слова Рустама вспомнил он...

Пшутану вымолвил: „И лев степной
Не устоит пред мужеской рукой.

* Табу́т—погребальные носилки.

Я в поле повстречался с Тахамтаном,
Залюбовался богатырским станом.

И восхвалил царя небесных сил,
Что он таким Рустама сотворил.

Прославлены везде—до моря Чина—
Деяния Рустама-исполина.

Акул из волн рукой хватает он,
В ущельи тигра настигает он.

Но все ж я так изранил мужа славы,
Что лег за ним в пустыне след кровавый.

Ушел он, скалы кровью орося,
Обломки стрел меж ребер унося.

Хоть может он вернуться в дом отца,
Боюсь, уйдет к Сатурну из дворца...”

РУСТАМ СОВЕТУЕТСЯ СО СВОИМИ РОДСТВЕННИКАМИ

И до дворца дошел Рустам. И там
Ждал у ворот его Достони-Сам.

Когда его родные увидали—
Все собрались вокруг и зарыдали.

И волосы свои, рыдая рвали,
И в кровь свои ланиты растерзали.

И распоясал брат Рустамов стан.
Кольчугу снял и тигровый кафтан.

И престарелый слезы лил Достан,
Касался он щекой сыновних ран.

И говорил: „Вот, дожил до седин
И стал таким впервые ты, мой сын!“

Рустам сказал: „Что пользы плакать нам?
Так было, как угодно небесам.

Труднейшее теперь мне предстоит.
О будущем душа моя скорбит.

Подобного Исфандиору-льву
Врага—не видел я, сколь ни живу.

В семи частях вселенной я бывал,
Все явное и тайное узнал.

Взял за кушак Диви-Сафела злого,
Сломил, подобно ветви тополёвой.

Я сталь пронизывал стрелой моей,
Был щит любой бессилен перед ней!

Но сколько ни пускал я грозных стрел,
Исфандиора ранить не сумел.

Казалось мне, что я крутизны скал
Колючками сухими осыпал.

А меч мой, если бы увидел лев,
За камни бы укрылся, оробев.

Меч ни брони его и ни шелом
Не рассекал, ломался, как солома...

Шелк, что над шлемом шаховым парил,
Мечом заветным я не разрубил.

Я сколько слов ему ни говорил,
Гранит души его не просветлил.

Надменный, он не выслушал ни слова.
Для нас для всех он хочет лишь плохого.

И я всевышнего благодарю,
За то, что в небе погасил зарю!

За то, что погрузил он мир во тьму,
Что стал незрим врагу я своему.

И вот исхода мне другого нет,
Как чтоб на Рахша завтра сесть чуть свет

И ускокать, чтоб не сыскать и следа...
Противника пусть радует победа,

Насытится пусть подвигом своим,
Хоть он в желаньи зла ненасытим".

Заль молвил: „Сын мой! Выслушай меня,
Есть время нам до наступленья дня!

А в мире—кроме смерти есть врата.
Нам дверь теперь к спасенью отперта.

Симурга вызову я в эту ночь,
Симурга умолю я нам помочь.

Коль нам поможет он в сей грозный час,
Страна и жизнь останутся у нас.

А если нет—мы все погибнем скоро
От грозных рук царя Исфандиора".

ПОМОЩЬ СИМУРГА РУСТАМУ

Они на том решении сошлись
И на крутую гору поднялись.

И три курильницы с собою взяли,
В которых угли жаркие пылали.

Стал на горе и из сумы своей
Перо Симурга вынул чародей.

Когда пришла полночная пора,
Он опалил в огне конец пера.

Вот третья степень ночи миновала
И небо, словно мускус, черным стало.

И в непомерной высоте тогда
Возник Симург бессмертный, как звезда.

Огонь курильниц увидела птица
И, опускаясь, начала кружиться.

Когда Достон Симурга увидел,
Ниц перед ним он пал и зарыдал.

Струящие благоуханный дым
Курильницы поставил перед ним.

Вот на земь птица с высоты спустилась.
„Эй, пахлаван, — спросила, — что случилось?“

Зачем тебе позвать пришлось меня
Ночной порой, до наступленья дня?“

И Заль ответил: „Горе в доме Сама!
Боюсь, что потеряли мы Рустама.“

Так тяжело врагом изранен он,
Что лишь тобою может быть спасён.

И Рахшу враг нанес такие раны,
Что лег он в стойле, словно бездыханный.

Принес нам кровь, страданья и раздор,
Вломился в дверь войны Исфандиор.

Взалкал он ненасытный, полный гнева,
С корнями и плодами вырвать древо“.

Симург ответил: „Сына приведи!
Терзать свой дух напрасно погоди!“

И Рахша покажи мне поскорее,
Я посмотрю, чем им помочь сумею“.

Поднять руки не в силах, той порой—
Рустам лежал в мученьях под горой.

Но Заль послал гонцов и наказал,
Чтоб муки превозмог Рустам и встал.

А также повелел он, чтоб пошли
Домой они, чтоб Рахша привели.

И пред Симургом Залев сын предстал
И ясновидца-птицу увидал.

И спросил Симург: „Эй, мощный слон,
Кем так жестоко стан твой сокрушен?

Что вам с Исфандиором воевать,
Чужой огонь за пазуху совать?“

Заль отвечал: „О повелитель наш!
Коль ты сейчас нам помощи не дашь,

Коль ты теперь не исцелишь Рустама,
Мы все умрем и рухнет дом Нейрама.

Погибнет корень наш, падет Сейстон,
В добычу тиграм будет обречен!“

Взглянул Симург на раны Тахамтана—
Не тело видит, а сплошная рана

И восемь наконечников стальных
Он острым клювом вытащил из них.

Он крыльями коснулся ран Рустама.
И дивно исцелился стан Рустама.

Как прежде стал прекрасен и силен
Седой Рустам, шестисотлетний слон.

Сказал Симург: „Ты раны завяжи,
Не беря неделю их держи,

Их в молоко обмакнутым моим
Помажь пером—и будешь невредим“.

Потом он взор на Рахша обратил
И также в раны клюв ему вонзил.

Извлек из ран обломленные стрелы
И крыльями его коснулся тела.

И громко Рахш заржал. И, обуян
Весельем, засмеялся Тахамтан.

И спросил Симург: „Эй, несравненный,
Слоноподобный, первый муж вселенной!

Ответь—зачем искал войны с царем,
С бронзовотелым тем богатырем?“

Сказал: „Я был покорствоваться готов,
Когда бы он не требовал оков.

Позора хочет мне Исфандиор,
Но легче умереть, чем снести позор!“

Сказал Симург: „Рукой Исфандиора
Повержен будешь в прах—в том нет позора.

Он беспорочный твой владыка, он
Благоволеньем неба осенен.

Коль поклянешься пред лицом моим,
Что мысли отворишь от боя с ним,

Что превзойти его не пожелаешь,
Что злобой на него не восплаеши—

Ты завтра умолять его пойдешь,
Ему ты душу в жертву принесешь.

Он лишь тогда мольбы твои отринет,
Когда сама судьба его покинет.

Тогда я средство дам тебе в бою,
До солнца подыму главу твою“.

И, внемля тем Симурговым словам,
Возликовал в душе своей Рустам.

Сказал потом: „И под дождем мечей
От воли я не отступлю твоей!“

Сказал Симург: „Любя тебя, открою
Я ныне тайну неба пред тобою.

Кто кровь Исфандиорову прольет,
Того раздавит мстящий небосвод.

И пусть из бездны мук живым уйдет,
Покоя в мире тот не обретет.

Здесь—весь свой век несчастным будет он,
Там—на геенну будет обречен.

Коль ты на это страшное пойдешь,
Верх над своим противником возьмешь“.

Ему сказал Рустам: „Согласен я,
И воля да исполнится твоя!

Мир только вечен. Мы же все мгновены,
Но имя остается во вселенной.

Счастлив, кто с добрым именем уйдет
В тот мир.—А остальное—все умрет“.

Сказал ему Симург: „Сегодня ночью
Увидишь сокровенное воочью!

Садись на Рахша, острый меч бери.
Поспеть далеко нужно до зари.

Скачи отсюда прямо к морю Чина,
Где лес навис над плещущей пучиной.

Там—в чаще леса древо газ растет,
Корнями—в топах ядовитых вод,

То дерево, подобное судьбе,
Победу завтра принесет тебе!“

На Рахша Тахамтан великий сел,
И конь его, как птица, полетел.

И в высоте Симург парил... И вскоре
Лес показался, зашумело море.

И в тот дремучий нелюдимый лес
Спустился горделивый царь небес.

Увидел древо газ среди вершин
И опустилс я неба властелин.

Рустаму путь, водою непокрытый,
Он указал средь топи ядовитой.

Благоуханьем мускуса полна
Была ночного леса глубина.

Крылом коснувшись головы Рустама,
Симург сказал: „Иди тропинкой прямо.

Вот—древо газ. Срежь из его ветвей
Одну, что прочих тоньше и прямей.

Мечей и стрел она тебе нужней,
Душа Исфандиора скрыта в ней.

Ты выпрями ту ветку над огнем,
Чтоб для стрелы она была древком.

Двойным железным жалом заостри,
Пером от крыл орлиных опери“.

Ту ветку газа Тахамтан срубил
И радостный в свой замок поспешил.

И огненной крылатою звездой
Симург кружился над его главою.

Сказал: „А утром, чуть блеснет восход,
Исфандиор опять на бой придет.

Ты попроси добра и правоты,
Быть может правды и добьешься ты.

Быть может вспомнит непреклонный шах
О прежних славных годах и делах,

Как много в жизни ты свершил трудов,
Мук перенёс из-за его отцов.

Проси упорно. Если ж он не примет
Мольбы твоей и вновь свой лук подымет,

Тогда и ты двужалою стрелой,
Что ядовитой возвращена водой,

В глаза ему прицелься, медный лук
Напрягши силой всей обеих рук.

Падет он—не тобою ослепленный,
Падет—самой судьбою ослепленный“.

Крылом Симург Достона осенил,
Простился, в высь ночную воспарил.

Умчалась птица вещая во тьму,
К далёкому жилищу своему.

И сел тогда Рустам перед огнем
И ветку газа выпрямил на нем,

Двуострый наконечник насадил
И грозным опереньем оснастил.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РУСТАМА НА БИТВУ С ИСФАНДИОРОМ

Когда же утро встало над горами
И в сердце ночи врезалось мечами,

Свой стан в доспехи облачил Рустам
И помолился вечным небесам.

Поехал вновь—иль ради примиренья
С врагом, или последнего сраженья.

И гордо приосанился старик
На берегу, и громкий издал крик:

„Эй, сердце львиное! Вставай! Докөле
Спать будешь? Погляди—Рустам на поле!

Ты с ложа сновидений подымись,
И пред суровым мстителем явись!“

Когда Исфандиор его могучий
Услышал голос—гром гремющий в туче—

Ничтожным все оружие ему
Примнилось. Молвил брату своему:

„Сражался я со львами и слонами,
Но не встречался в битвах с колдунами.

Не думал я, прервавши бой вчера,
Что недруг мой дотянет до утра!

И у коня не видно было тела,
Так густо в нём мои торчали стрелы.

А я слышал старинную молву,
Что древний Заль обучен колдовству,

Что совершает мощью волхованья
Уму непостижимые деянья“.

И отвечал Пшутан ему в слезах:
„Пусть в муках пропадет любой твой враг!

Зачем ты стал растерян? Что случилось?
Какой печалью сердце омрачилось?

Чье в мире счастье начало хромать?
Каких еще напастей ожидать?"

Надел кольчугу лев Исфандиор,
На поле битвы устремил он взор,

Вскричал Рустаму: „Эй, сагзи презренный,
Да сгинет ваше имя во вселенной!

Как ты вчера изранен мною был!
Иль ты мой лук могучий позабыл?

Когда б не колдовство, не чары Заля,
Могилу бы сейчас тебе копали!

Заль чародейством оживил тебя,
От ран смертельных исцелил тебя.

Вам не помогут чары! Я твою
Драконью шею нынче разобью!"

Сказал Рустам: „Эй, ненасытный лев!
Побойся неба! Укроти свой гнев!

Вот—я с тобой пришел не воевать,
Пришёл опять о правде умолять!

Ты хочешь поступить несправедливо
С твоим слугой—по наущенью дива.

Авестой и Озаром я клянусь.
Зардуштом, Нушозаром я клянусь,

Луной и солнцем на небе святом,—
Что ты идешь неправедным путем!

Мне ж хоть из кожи вылезть слов моих
Не слушаешь ты и не помнишь их!...

Будь нашим добрым гостем! Пред тобою
Я дверь своих сокровищниц открою,

Сокровища навьючу на коней,
В Иран их повезёт мой казначей.

Я пред тобою уподоблюсь праху.
Велишь—пойду с тобою к падишаху.

Коль шах казнит меня—пусть будет так!
Сковать велит меня—пусть будет так!

Но нам, живущим у судьбы во власти,
Да не сопутствует звезда несчастий.

Молюсь я, чтоб судьба своей рукой
Тебя навек насытила войной!

И что же так тебя ожесточило,
Всю силу сердца к битве устремило?

Но коль теперь забудешь ты о зле—
Клянусь, всех выше будешь на земле!“

И отвечал Исфандиор угрюмо:
„Что обману Гуштаспа я—не думай!

Мне ни сокровища твоей казны.
Ни дом, ни угощенья—не нужны!

А хочешь уцелеть—надень оковы!
И более я не скажу ни слова“.

И снова начал говорить Рустам:
„Зачем нам злоба, шах! Что спорить нам?

Ты имени не пачкай моего,
Не унижай, о царь, и своего!

Открою пред тобою, несравненный,
Врата сокровищниц полувселенной!

Все, что собрали Сам и Нариман,
И Заль и даже древний Кариман—

Все отдадим тебе! Мужей Сейстана,
Забулистана и Кабулистана

Я приведу! Отдам под власть твою
Мужей, которым равных нет в бою.

И тысячу служанок молодых
Отдам тебе, Хуллах отчизна их,

И сотни юных слуг в красе и в силе.
Чтоб день и ночь они тебе служили.

Сам, как слуга, потом с тобою вместе
Пойду я к шаху, жаждущему мести.

Но лишь не требуй от меня цепей—
Обиды горькой седине моей!

Не подобает зло тебе, великий
Мой шах, благочестивый мой владыка!“

„До коих пор негодный разговор
Вести нам?“—отвечал Исфандиор.

—„Советуешь мне с божьего пути
Свернуть, от воли шаха отойти?

Той нет безбожней и презренней твари,
Что своего обманет государя!

Теперь надень оковы иль пади!
Речей бесстыдных больше не веди!“

РУСТАМ ПУСКАЕТ СТРЕЛУ В ГЛАЗА
ИСФАНДИОРА

Рустам увидел: тщетны все мольбы,
Не избежать веления судьбы.

И взял свой лук и страшную стрелу,
Вращенную к возмездия и злу.

И положил стрелу на тетиву
И поднял к небу белую главу.

К предвечному зеницы обратил
И так сказал: „Воззри, о боже сил!

Взгляни, господь! Открыты пред тобой
Вся жизнь моя и дух безгрешный мой!

Ты видишь—сколько я ни говорил,
Не убедил царя, не умирил.

Вот он—руководимый волей дива—
Неумолимый царь, несправедливый!

Так отпусти мне страшную вину
О ты создавший солнце и луну!”

А царь Рустама видя непокорство,
Что медлит он вступать в единоборство,

Сказал: „Эй, муж прославленный! Видать.
Пресытился, устал ты воевать.

Так испытай Гуштаспову стрелу,
Алмазную Лохраспову стрелу!”

Тогда, как повелел Симург премудрый,—
Лук натянул Рустам серебрянокудрый,

Стрелу в глаза Исфандиору вверх—
Мир пред царём прославленным померк

Как гибкий кипарис, согнулся стан,
Дух омрачился, тьмою обуян.

Склонилась горделивая глава,
Лук Чача* выпал из десницы льва.

Схватился он за гриву вороного—
И грива стала мокрой и багровой.

И рек Исфандиору Тахамтан:
Вот, ты пожал плоды своих семян.

Ты говорил, бронзовотелый, ты
Повергнешь звёзды на землю с высоты!

* Ч а ч — древнее название Ташкента.

Сто шестьдесят ты стрел в меня вогнал,
Но от бесчестья я не зарыдал...

Ты ж! От одной стрелы ты поле боя
Покинул, лег над гривой вороною.

Стрелу из древа газ ты получил,
Одну стрелу—и голову склонил!

Вот—сердце матери твоей сгорит,
Тебе, увы могила предстоит!"

Тем временем Исфандиора-льва
Склонялась с конской шеи голова.

Упал он. Время некое потом
В беспмятстве лежал, и сел с трудом

На землю ту кровавую, вступая
В сознание, слух упорно напрягая...

И взял рукой стрелу из древа газ.
И вырвал прочь кровавую из глаз!

Тогда очам Бахмановым явилось,
Что счастье шаха-ин-шаха омрачилось.

Он побежал к Пшутану и сказал:
„Бог нашу битву горем увенчал!

Отец лежит поверженный, в пыли...
Ад вырвался, о горе, из земли!

И оба, пешие, бегом из стана
Спешили—не спасут ли Руинтана?

Глядят: лежит повергнутый во прах,
Стрела окровавленная в руках...

И пал Пшутан, одежды раздирая,
И темя осыпал землёй, рыдая.

И пал Бахман перед своим отцом
На кровь его горячую лицом.

Сказал Пшутан: „Не мощны властелины
Предотвратить таинственной судьбины!

Вот был Исфандиор—властитель сил,
Что мести меч за веру обнажил,

Кумиров мрака в мире сокрушил,
Несправедливости не совершил.

И вот, во цвете лет своих убит,
В пыли главой увенчанной лежит!...

О, зло вселенной вечное—война!
Земля слезами от тебя полна.

О, долго ль будет полной кровью чашей
Кипеть враждой юдоль земная наша!"

Бахман, лицом упавши на песок,
Рыдал, не отирая кровь со щёк.

И, плача, говорил: „О мой отец!
О шах мой, чей был так высок венец!

Чья сила бивни у слона сломила?
Кто—мощный—вверг слона в пучину Нила?

Кто солнце наше светлое затмил,
Скалу воинственную повалил?

Кто наш светильник яркий погасил,
Пожаром горя нас испепелил?

Кто сглазил нас? Кто нам принес бесчестье?
Кто выступит за нас во имя мести?

О мой отец! О светоч бытия!
Где разум, счастье, истина твоя?

Где мощь твоя в боях, мой ясный шах?
Где голос твой прекрасный на пирах?"

И сел, и руку медленно простер,
И сыну отвечал Исфандиор:

„Не плачь! То было небом и луною
Предрешено—свершённое со мною!

Вот буду мертв и буду я зарыт,
Но ты не плачь о том, что я убит.

Куда Хушанг и Феридун пропали?
Из ветра созданные—ветром стали!

Где предки величавые мои?
Где корни нашей славы и семьи?

Ушли! Исчезли все пред небом гневным!
Никто не вечен в мире пятидневном...

Вот сколько явно, да и тайно, я
Трудился в сих пределах бытия

Во исполнение божьего завета,
Во имя правды, разума и света!

Когда ж мой подвиг в мире воссиял,
И руки Ахримана я связал,

Судьбина лапу львиную простёрла,
Клыками львиными впилаась мне в горло,—

И умираю я. Но, умирая,
Я знаю—мне открыты двери рая!

Там доблести моей дозреет плод,
Там серп мой ниву дел моих пожнет!

Вот видишь, как сучком от дерева газ
Предательски меня лишили глаз,

И жизни, и могущества, и славы,
Симург бессмертный и Рустам лукавый!

И это все Достон наколдовал,
Заль-чародей беду на нас наслал..."

Услышал те слова стоявший в поле,
Согнулся, зарыдал Рустам от боли.

Приблизился к Исфандиору он,
Склонил седины горем потрясен.

Потом сказал Бахману: „Вот отныне
Жизнь будет мне—мученьем, мир—пустыней.

Дух властелина, твоего отца.
Правдив и мужественен до конца.

Но это было злого дива делом!
Отныне муки станут мне уделом!

С тех пор как стан я подпоясал свой,
С тех пор как завершил свой первый бой,

И по сей день не ведал силы равной,
Чем дивный шах мой, воин многославный.

Беспомощным я стал, жестокий лук
Его почувствовал и силу рук.

Я выхода искал! И вот, увы,
Ему не отдал сразу головы!

И участь шаха я решил стрелою
В день, что ему назначен был судьбою.

Когда б ему помочь судьба пришла,
Что сделать бы стрела моя смогла?

Так—да пребудет сердце—откровенно,
В обители земной, где всё мгновенно.

А я останусь памятью о зле—
О сей из газа сделанной стреле..."

СОДЕРЖАНИЕ

О серии „Классики таджикской литературы“	5
Абуль-Касим Фирдоуси	13
<i>Дакики</i> . Бой Гуштаспа с Арджаспом	27
<i>Фирдоуси</i> . Бой Исфандиора с Рустамом	77

Подписано к печати. 17/VIII. 1949.

Печ. листов 6,75.

КЛ 01268 Тираж 6000.

Сталинабад, Полиграфкомбинат
Заказ № 2872

